

**Обобщение практики и правовых позиций
международных договорных¹ и внедоговорных
органов, действующих в сфере защиты прав и
свобод человека, по вопросам защиты *права
лица на жизнь*²**

2021 г.

¹ Включая практику Европейского Суда по правам человека (далее также – Европейский Суд, Суд).

² Перечень упомянутых в Обобщении правовых позиций не носит исчерпывающего характера.

Если иное не следует из контекста излагаемого материала, неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда, принятых по делам в отношении Российской Федерации, получены Верховным Судом Российской Федерации из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации. Тексты указанных постановлений размещены в разделе «Ведомственный контур» Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (папка «Международное право»).

Переведенные на русский язык тексты решений и иных документов договорных и внедоговорных органов, действующих в рамках Организации Объединенных Наций, включая Совет ООН по правам человека, выдержки из которых приведены в настоящем Обобщении, размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

При подготовке Обобщения использовались материалы, изложенные в *Руководстве Европейского Суда по правам человека «Право на жизнь»* (по состоянию на 31 декабря 2018 года), поступившем в Верховный Суд Российской Федерации в рамках программы «Сеть Верховных Судов», которая действует под эгидой Европейского Суда по правам человека. Режим доступа: URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_2_RUS.pdf.

Содержание

1.	Общие положения	4
2.	Сфера действия положений международных договоров Российской Федерации, предусматривающих право на жизнь (в том числе в пространстве, по кругу лиц, по времени)	6
3.	Недопустимость произвольного лишения жизни	10
4.	Позитивные обязательства государства по уважению, обеспечению и защите права лица на жизнь	15
4.1.	Общие положения	15
4.2.	Позитивные обязательства государства (материальные аспекты) по уважению, обеспечению и защите права на жизнь	21
4.2.1	<i>принцип должной осмотрительности</i> , подлежащий реализации государством в ходе защиты права на жизнь	21
4.2.2	<i>принятие государством законодательства</i> как материальный аспект позитивных обязательств государства по уважению, обеспечению и защите права на жизнь	24
4.2.3	выполнение государством позитивных обязательств по уважению, обеспечению и защите права лица на жизнь <i>в сфере здравоохранения</i>	27
4.2.4	позитивные обязательства государства по обеспечению <i>достойной жизни</i> для лиц в аспекте защиты их права на жизнь	35
4.2.5	позитивные обязательства государства по уважению, обеспечению и защите права на жизнь <i>в сфере охраны окружающей среды</i>	38
4.2.6	выполнение государством позитивных обязательств по обеспечению и защите права на жизнь <i>в случае экологических бедствий, техногенных катастроф</i>	39
4.2.7	выполнение государством позитивных обязательств по обеспечению и защите права лица на жизнь <i>при несчастных случаях</i>	41
4.2.8	позитивные обязательства государства в сфере обеспечения <i>безопасности дорожного движения</i>	41
4.2.9	позитивные обязательства государства по уважению, обеспечению и защите права на жизнь по отношению к лицу, <i>находящемуся в местах принудительного содержания</i>	42
4.2.10	обеспечение и защита права лица на жизнь <i>в случае членовредительства (самоубийства)</i> , в том числе во время нахождения его в местах принудительного содержания	46
4.2.11	выполнение государством позитивных обязательств <i>в сфере поддержания правопорядка</i> (проведение правоохранительными органами специальных операций, применение указанными органами <i>летальной силы</i>)	50
4.2.11.1	вопросы поддержания правопорядка <i>при проведении публичных мероприятий</i>	72
4.2.11.2	вопросы применения <i>летальной силы в сфере миграционных отношений</i>	76
4.2.11.3	применение <i>летальной силы со стороны частных лиц</i> (в том числе частных охранных предприятий)	78
4.2.12	позитивные обязательства государства, связанные с <i>недопустимостью высылки (выдворения, депортации, выдачи)</i> лица в государство, где имеется реальная угроза нарушения по отношению к такому лицу права на жизнь	83

4.2.13	позитивные обязательства государства по обеспечению и защите <i>права на достойную смерть</i> (в том числе в сфере миграционных отношений); вопросы погребения	85
4.3	Позитивные обязательства государства (процессуальные (процедурные) аспекты) по защите права на жизнь	87
4.3.1	Общие положения	87
4.3.2	<i>наличие в правовой системе государства средств правовой защиты (в том числе судебных)</i> как процессуальный аспект позитивных обязательств государства по защите права на жизнь	87
4.3.3	<i>проведение эффективного расследования</i> случаев нарушения права на жизнь как процессуальный аспект позитивных обязательств государства по защите указанного права	89
4.3.3.1	общие положения	89
4.3.3.2	независимость и беспристрастность расследования	97
4.3.3.3	оперативность расследования	100
4.3.3.4	способность обеспечить сохранность доказательств во время расследования	102
4.3.3.5	тщательность (адекватность) расследования	103
4.3.3.6	наличие публичного (общественного) контроля за ходом расследования со стороны общества, в том числе со стороны потерпевших, их родственников	105
4.3.3.7	наказание лиц, виновных в совершении действий (бездействия), противоречащих статье 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (либо аналогичным положениям международного права); способность следствия установить, насколько оправданным являлось применение летальной силы	108
4.4	Позитивные обязательства государства по расследованию факта смерти и иных серьезных травм, причиненных вследствие <i>халатности</i>	111
5.	Соотношение права на жизнь с иными правами и свободами	113

В силу статьи 3 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года³ «[к]аждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность».

В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года⁴ «[п]раво на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни».

Согласно статье 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года⁵: «1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

1. Общие положения

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Суд напоминает, что статья 2 [Конвенции], гарантирующая право на жизнь и содержащая описание обстоятельств, при которых лишение жизни можно оправдать, считается одним из основополагающих положений Конвенции, отступление от которого не допускается (пункт 91 постановления от 1 декабря 2016 года по делу «Герасименко против Российской Федерации»).

Исходя из значимости статьи 2 [Конвенции] в демократическом обществе, Суд должен подвергать заявления о нарушении данного положения максимально тщательной проверке, принимая во внимание не только действия государственных служащих, фактически применивших силу, но и все сопутствующие обстоятельства (пункт 92 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 1 декабря 2016 года по делу «Герасименко против Российской Федерации»).

³ Далее – Всеобщая декларация прав человека.

⁴ Далее – Международный пакт о гражданских и политических правах, Пакт.

⁵ Далее – Конвенция.

[Т]екст статьи 2 [Конвенции] в совокупности показывает, что пункт 2 в первую очередь не определяет ситуации, в которых допустимо причинение преднамеренной смерти, а описывает те ситуации, когда возможно применять «силу», которая может стать причиной неумышленной смерти. Однако применение силы должно быть «абсолютно необходимым» для достижения одной из целей, упомянутых в пунктах «а»), «б») или «с») (пункт 107 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 26 мая 2020 года по делу «*Рамазанова и Алексеева против Российской Федерации*»).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

Европейский Суд напомнил, что статья 2 [Конвенции] представляет собой одно из фундаментальных положений Конвенции, одно из тех, от которых в мирное время не допускается никаких отступлений в соответствии со статьей 15 Конвенции. Вкупе со статьей 3 эта норма закрепляет одну из основных ценностей демократических обществ, входящих в Совет Европы (пункт 174 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 24 марта 2011 года по делу «*Джулиани и Гаджио (Giuliani and Gaggio) против Италии*»)⁶.

Практика Комитета ООН по правам человека

В статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах признается и защищается *право на жизнь* всех людей. Это – *высшее право, отступление от которого не допускается даже в ситуациях вооруженного конфликта и во время других ситуаций чрезвычайного положения в государстве, при которых жизнь нации находится под угрозой*. Право на жизнь имеет решающее значение как для отдельных лиц, так и для общества в целом. Оно само по себе является самым ценным правом, присущим каждому человеку, но оно также представляет собой одно из основных прав, эффективная защита которого является необходимым условием для осуществления всех других прав человека и содержание которого может наполняться с помощью других прав человека (пункт 2 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36)⁷.

⁶ Прецеденты Большой Палаты Европейского Суда № 2(34)2020. Под ред. Ю.Ю. Берестнева, пер. с англ. яз. ООО «Развитие правовых систем».

⁷ Режим доступа: URL:

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fGC%2f36&Lang=en.

Право на жизнь – это право, не подлежащее узкому толкованию. Речь идет о праве физических лиц не подвергаться действиям или бездействию, которые имеют своей целью или ожидаемо могут вызвать их неестественную или преждевременную смерть, а также о праве на достойную жизнь. Статья 6 Пакта гарантирует это право всем людям без какого бы то ни было различия, включая лиц, подозреваемых или осужденных в связи с даже самыми тяжкими преступлениями (пункт 3 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Пункт 1 статьи 6 Пакта предусматривает, что никто не может быть произвольно лишен жизни и что это право охраняется законом. Он закладывает основу для обязательства государств-участников уважать и обеспечивать право на жизнь, осуществлять его посредством законодательных и других мер и предоставлять эффективные средства правовой защиты и возмещения всем жертвам нарушений права на жизнь (пункт 4 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Лишение жизни подразумевает преднамеренное или иным образом предсказуемое и предотвратимое причинение вреда или увечья, несовместимого с жизнью, в результате какого-либо действия или бездействия. Оно выходит за рамки нанесения ущерба или угрозы физической или психической неприкосновенности (пункт 6 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

2. Сфера действия положений международных договоров Российской Федерации, предусматривающих право на жизнь (в том числе в пространстве, по кругу лиц, по времени)

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Текст статьи 2 Конвенции показывает, что она охватывает не только умышленные убийства, но также случаи, допускающие «применение силы», которое в качестве ненамеренного исхода может повлечь лишение жизни. (пункт 79 постановления от 17 декабря 2009 года по делу «Голубева против Российской Федерации»).

[С]татья 2 Конвенции может применяться и в том случае, *если заявитель не погиб*, но обстоятельства дела и характер полученных телесных повреждений свидетельствуют о существовании серьезной угрозы для его жизни (пункт 18 постановления от 17 октября 2017 года «*Криволуцкая против Российской Федерации*»).

По мнению Суда, с учетом его прецедентной практики, обязанность государства *гарантировать право на жизнь также необходимо учитывать при принятии разумных мер по обеспечению безопасности граждан в общественных местах* (пункт 95 постановления от 1 декабря 2016 года по делу «*Герасименко против Российской Федерации*»).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Во всех делах, рассмотренных Европейским Судом, постоянно подчеркивалось *обязательство государства по защите жизни*. Суд не убежден, что при толковании права на жизнь, которое гарантируется статьей 2 Конвенции, можно включать в него негативный аспект. Например, применительно к статье 11 Конвенции Суд признал, что свобода объединения включает в себя не только право на то, чтобы стать членом той или иной организации, но и соответствующее ему право на свободу от принуждения к вступлению в какую-либо организацию. Суд отмечает: понятие «свобода» подразумевает некоторую возможность выбора при ее осуществлении... Статья 2 Конвенции сформулирована иначе. Она не затрагивает вопросов, имеющих отношение к качеству жизни или к тому, как человек ей распоряжается. В той мере, в какой эти вопросы признаются настолько существенными для состояния человека, что они требуют защиты от вмешательства государства в их реализацию, они могут быть отражены в правах, которые гарантируются другими статьями Конвенции или другими международно-правовыми актами о правах человека. *При толковании статьи 2 Конвенции нельзя, если не исказить ее текст, прийти к выводу, что она наделяет человека диаметрально противоположным правом – правом на смерть*; не может она и создавать право на самоопределение, то есть предоставлять человеку возможность принять решение умереть, а не жить (пункт 39 постановления от 29 апреля 2002 года по делу «*Претти против Соединенного Королевства*»)⁸.

Европейский Суд приходит к выводу, что *из статьи 2 Конвенции нельзя вывести права на смерть* – ни от руки третьего лица, ни с помощью какого-либо органа государственной власти. Этот вывод подтверждается

⁸ Режим доступа: URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100304>.

Рекомендацией 1418 (1999), принятой Парламентской ассамблеей Совета Европы (пункт 40 постановления от 29 апреля 2002 года по делу *«Претти против Соединенного Королевства»*).

[Э]мбрионы... не имеют права на жизнь в значении положений статьи 2 Конвенции (пункт 56 постановления от 10 апреля 2007 года по делу *«Эванс против Соединенного Королевства»*)⁹.

*Руководство Европейского Суда по правам человека «Право на жизнь»
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)*¹⁰

Европейский Суд... устанавливал, что утверждения *лиц, имеющих серьезные заболевания*, относятся к сфере действия статьи 2 Конвенции, когда соответствующие обстоятельства потенциально предусматривают ответственность государства (пункт 5 Руководства).

Европейский Суд рассматривал по существу дела, связанные со статьей 2 Конвенции, по жалобам лиц, которые утверждали, что *их жизнь подвергалась риску*, хотя такой риск еще не стал реальным, если Суд был убежден в том, что фактически существовала серьезная угроза для их жизней (пункт 6 Руководства).

Аналогичным образом *в делах, связанных с несчастными случаями с потенциально летальными..., или экологическими бедствиями....*, Суд рассматривал жалобы заявителей, которым благодаря случайности удалось выжить, в свете статьи 2 Конвенции (пункт 7 Руководства).

В отличие от статьи 4 Американской конвенции по правам человека, которая предусматривает, что право на жизнь должно защищаться «в целом с момента ее начала», *статья 2 Конвенции умалчивает о временных ограничениях права на жизнь* и, в частности, не определяет «каждого» (*toute personne*), чья «жизнь» защищается Конвенцией (пункт 56 Руководства).

Европейский Суд, учитывая отсутствие в европейских странах единого мнения по научному и правовому определению начала жизни, постановил, что *вопрос о начале права на жизнь относится к пределам свободы усмотрения*, которыми, как считает Суд согласно устоявшейся практике, должны обладать государства в этой сфере (пункт 57 Руководства).

⁹ Режим доступа: URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99350>.

¹⁰ Режим доступа: URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_2_RUS.pdf.

[С]реди государств – членов Совета Европы отсутствует консенсус в отношении того, *разрешать ли прекращение искусственного поддержания жизнеобеспечения*, хотя большинство из них (государств) склоняется к допустимости этого. Европейский Суд отметил: хотя подробные акты, регулирующие прекращение лечения, в разных странах отличаются, однако *существует консенсус относительно важнейшего значения мнения пациента в процессе принятия решения, каким бы образом не выражались такие желания*. В связи с этим Суд считает, что в сферах, касающихся как прекращения жизни, так и ее начала, государствам должны быть предоставлены пределы усмотрения не только в отношении того, разрешать или нет искусственное поддержание жизненных функций, и разработки норм, подробно регулирующих такое прекращение, но и относительно средств установления баланса между защитой права пациентов на жизнь и защитой их права на уважение частной жизни и их личной самоидентификации. Вместе с тем Европейский Суд подчеркнул, что эти пределы свободы усмотрения не являются неограниченными и Суд сохраняет за собой право проверять, выполнило ли государство свои обязательства, предусмотренные статьей 2 Конвенции (пункт 62 Руководства).

Рассматривая вопрос о назначении или прекращении лечения, Европейский Суд принимал во внимание следующие факторы:

- наличие во внутригосударственном праве и практике законодательной базы, совместимой с требованиями статьи 2 Конвенции;
- были ли учтены ранее выраженные желания заявителя и его близких;
- а также мнения медицинского персонала и возможность обращения в суд в случае сомнений в том, было ли принято оптимальное решение в наилучших интересах пациента (пункт 63 Руководства).

*Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп),
действующих в рамках Совета ООН по правам человека*

Ответственность за соблюдением права на жизнь применяется экстерриториально как минимум в отношении тех, кто находится под эффективным контролем государства. Независимо от применимости договорных положений, в которых признается право на жизнь, государства обязаны обеспечивать соблюдение права на жизнь, когда они применяют силу, будь то в пределах или за пределами своих границ (пункт 26 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 4 октября 2019 года. A/HRC/41/36).

[П]раво на жизнь не сводится к праву продолжать физическое существование, или «жизнь сама по себе»: объектом защиты является

достойная жизнь (пункт 21 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 2 сентября 2016 года. A/71/372).

[Н]ет никаких сомнений в том, что *обязательство государств по защите распространяется одинаково как на граждан, так и на неграждан, находящихся на территории государства*. Это подчеркивается Комитетом [ООН] по правам человека, когда он разъясняет, что «государство-участник несет обязательство по уважению и обеспечению предусмотренных в статье 6 прав *всех лиц, находящихся на его территории, и всех лиц, находящихся под его юрисдикцией, т.е. всех лиц, соблюдение права на жизнь которых находится в его компетенции или под его эффективным контролем*». Иммиграционный статус не влияет на ответственность государств по защите от предсказуемых угроз жизни людей (пункт 33 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 4 октября 2019 года. A/HRC/41/36).

3. Недопустимость произвольного лишения жизни

Практика Комитета ООН по правам человека

Хотя оно присуще каждому человеку, право на жизнь не является абсолютным. Несмотря на то, что в Пакте не перечисляются допустимые основания для лишения жизни, а содержится требование о том, что лишение жизни не должно быть произвольным, в пункте 1 статьи 6 [Пакта] подразумевается, что в определенных случаях лишение жизни может не быть произвольным. Например, применение смертоносной силы в целях самообороны... не будет представлять собой произвольное лишение жизни. Даже те исключительные меры, приводящие к лишению жизни, которые не являются произвольными сами по себе, должны применяться таким образом, чтобы их применение фактически не было произвольным. Такие исключительные меры должны устанавливаться законом и сопровождаться эффективными институциональными гарантиями, направленными на предотвращение произвольного лишения жизни (пункт 10 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Второе предложение пункта 1 статьи 6 [Пакта] содержит требование о том, чтобы право на жизнь охранялось законом, тогда как третье предложение – чтобы никто не был произвольно лишен жизни. Эти два требования частично дублируют друг друга, поскольку лишение

жизни, не имеющее под собой правовой основы или иным образом несовместимое с охраняющими жизнь законами и процедурами, как правило, является произвольным по своему характеру. Например, вынесение смертного приговора по итогам судебного разбирательства, проведенного с нарушением внутригосударственных уголовно-процессуальных или доказательственных норм, как правило, является одновременно незаконным и произвольным (пункт 11 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Лишение жизни, как правило, является произвольным, *если оно противоречит международному праву или внутригосударственному праву.* Тем не менее лишение жизни может быть санкционировано внутригосударственным законодательством и вместе с тем являться произвольным. *Понятие «произвольность» должно не отождествляться с понятием «противозаконность», а толковаться в более широком смысле – с использованием элементов несоответствия, несправедливости, отсутствия предсказуемости и надлежащей законной процедуры, а также элементов разумности, необходимости и соразмерности.* Для того чтобы не считаться произвольным по смыслу статьи 6 [Пакта], *применение потенциально смертоносной силы частным лицом, действующим в порядке самообороны, или другим лицом, пришедшим на его защиту, должно быть строго необходимым с учетом угрозы, исходящей от нападающего;* оно должно представлять собой крайнее средство и применяться после того, как исчерпаны или сочтены недостаточными другие альтернативные средства; сила не может применяться в объеме, превышающем объем, строго необходимый для реагирования на угрозу; применяемая сила должна быть тщательно направлена исключительно против нападающего; и отражаемая угроза должна предполагать неминуемую смерть или серьезное ранение. *Применение потенциально смертоносной силы в правоохранительных целях является крайней мерой, к которой следует прибегать только в случае строгой необходимости для защиты жизни от неминуемой угрозы смерти или серьезного ранения.* К примеру, она не может применяться для предотвращения побега из-под стражи подозреваемого преступника или осужденного, который не создает серьезной и неотвратимой угрозы для жизни или физической неприкосновенности других лиц. Намеренное лишение жизни любыми средствами допускается только в том случае, если это абсолютно необходимо для защиты жизни от неминуемой угрозы (пункт 12 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Как правило, лишение людей жизни в результате действий или бездействия, нарушающих другие положения Пакта, помимо статьи 6

[Пакта], является произвольным по своему характеру (пункт 17 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. ССРР/С/ГС/36).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Право на защиту от произвольного лишения жизни является нормой обычного международного права, общим принципом международного права и нормой jus cogens. Оно признано во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и региональных конвенциях (пункт 33 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Использование ударных беспилотников для целенаправленных убийств. Размещен 17 августа 2020 года. А/НРС/44/38).

Право на защиту от произвольного лишения жизни – фундаментальное и общепризнанное право, действующее всегда и при любых обстоятельствах. Право на жизнь называют «основополагающим правом» (пункт 18 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 2 сентября 2016 года. А/71/372).

Как правило, лишение жизни не может быть оправдано никакими иными основаниями, кроме необходимости сохранить жизнь. Это минимальное требование, которое, в частности, относится к намеренному лишению жизни. Ограничение права на жизнь не может быть оправдано необходимостью выполнить такие задачи, как утверждение полномочий государства, защита имущества или навязывание моральных или религиозных ценностей (пункт 22 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 2 сентября 2016 года. А/71/372).

Система прав человека не может быть эффективной в отсутствие безопасности, а в некоторых случаях и без применения силы. Современное государство обычно утверждает свою монополию на применение силы и таким образом также несет политическую и международную ответственность за применение силы самим государством или с его разрешения. Правом на применение силы нередко злоупотребляют в любом обществе. Для того чтобы избежать таких злоупотреблений, субъекты применения силы должны действовать в пределах внутренних правовых рамок, регламентирующих применение силы и соответствующих международному праву прав человека и, где это применимо, международному гуманитарному

праву. Кроме того, должны существовать соответствующие механизмы обеспечения подотчетности (пункт 51 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

Хотя какое-либо стандартное толкование понятия «произвольное» на сегодняшний день отсутствует, из различных правовых источников *можно вывести, по меньшей мере, шесть его характеристик* (пункт 27 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

Во-первых, произвольность может иметь как процедурный, так и субстантивный элемент (пункт 28 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

Во-вторых, хотя произвольность может отождествляться не только с нарушением закона, «лишение жизни будет считаться произвольным, если оно является недопустимым в соответствии с международным правом или в соответствии с более строгими положениями внутреннего права» (пункт 29 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

В-третьих, произвольность может вытекать из законов и практики, которые нарушают принцип недискриминации. Это положение особенно подчеркнула Африканская комиссия по правам человека и народов в пункте 12 своего [3]амечания общего порядка № 3 о праве на жизнь, заявив, что «любое лишение жизни в результате нарушения процессуальных или материальных гарантий, содержащихся в Африканской хартии, в том числе на дискриминационных основаниях или на основе дискриминационной практики, является произвольным и, как следствие, незаконным» (пункт 30 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

В-четвертых, считается, что понятие «произвольность» включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и должной процедуры наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности (пункт 33 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

В-пятых, для того чтобы убийство или лишение жизни было признано «произвольным», не требуется наличия у государства «сознательного умысла». Наоборот, убийства, совершенные в результате несоразмерного и необоснованного применения силы сотрудниками полиции, по всей видимости, носят произвольный характер, даже несмотря на то, что полиция не совершала эти убийства преднамеренно (пункт 34 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

В-шестых, гарантии защиты от произвольного лишения жизни распространяются на убийства, совершаемые негосударственными акторами. Комитет по правам человека в пункте 3 своего [3]амечания общего порядка № 6 (1982) о праве на жизнь отметил, что, по его мнению, в статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах закреплено обязательство государств-участников «принять меры не только по предупреждению и наказанию уголовных действий, ведущих к лишению жизни, но также и по предотвращению произвольных убийств, совершаемых их собственными силами безопасности». В... решении по делу «Cotton Field» Межамериканский [С]уд по правам человека отметил *наличие ответственности государства за убийства, совершаемые частными лицами*, которые должным образом не предотвращаются, не расследуются и не преследуются властями (пункт 35 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

Право на жизнь определяют два аспекта: *предупреждение (содержательный компонент) и привлечение к ответственности (процедурный компонент).* Государства обязаны не допускать «произвольного» лишения жизни, в том числе посредством соответствующих законодательных рамок. Государство обязано уважать право на жизнь, не допуская произвольного лишения жизни любого человека государственными органами и представителями государственной власти,

а также прочими лицами, деятельность которых может быть связана с государством. Кроме того, оно должно защищать право на жизнь и обеспечивать его реализацию, уделяя надлежащее внимание вопросам предупреждения произвольного лишения жизни, которое совершается частными субъектами, и обязано принимать все разумные меры по борьбе с обстоятельствами, которые могут создать прямую угрозу жизни (например, сложившимися вследствие загрязнения или стихийного бедствия). *Право на жизнь не является абсолютным, но может ограничиваться только при узком перечне обстоятельств, определенных международным правом прав человека* (пункт 19 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 2 сентября 2016 года. A/71/372).

[У]дары с беспилотных летательных аппаратов редко бывают правомерными вне ситуаций вооруженного конфликта, поскольку только в самых исключительных обстоятельствах международное право прав человека могло бы допускать, что убийство является единственной или главной целью операции (пункт 60 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 14 октября 2013 года. A/68/389).

4. Позитивные обязательства государства по уважению, обеспечению и защите права лица на жизнь

4.1. Общие положения

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Первое предложение статьи 2 Конвенции предписывает государствам-участникам не только воздерживаться от лишения жизни «умышленно» или в результате «применения силы», не соответствующего законным целям подпунктов «а» и «с» пункта 2 этой статьи, *но и совершать необходимые действия, чтобы защищать право на жизнь тех, кто относится к сфере их компетенции* (пункт 68 постановления от 3 февраля 2011 года по делу «Генпа против Российской Федерации»).

[В]ыбор средств обеспечения выполнения позитивных обязательств по статье 2 [Конвенции], в принципе, является вопросом, подпадающим под свободу усмотрения договаривающихся государств. Существуют различные пути обеспечения гарантированных Конвенцией прав, и даже если государство оказывается не в состоянии применить одну конкретную меру, предусмотренную национальным законодательством, оно по-прежнему может

выполнить свое позитивное обязательство *другими способами* (пункт 96 постановления Большой Палаты от 1 декабря 2016 года по делу «Герасименко против Российской Федерации»).

[О]бязательство [принимать целесообразные меры по защите жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией] требует от государства обеспечивать право на жизнь за счет положений эффективного уголовного законодательства для удержания от совершения преступлений против личности, которые подкреплены правоохранительной системой для предупреждения, пресечения и наказания за нарушение таких положений (пункт 218 постановления от 7 января 2010 года по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации»).

[О]бъем и содержание позитивных обязательств должны толковаться таким образом, чтобы не налагать на власти невыполнимые и несоразмерные задачи (пункт 96 постановления от 18 сентября 2014 года по делу «Макаева против Российской Федерации»).

[С]татья 2 Конвенции может, при определенных обстоятельствах, возлагать на власти позитивное обязательство заблаговременно принимать оперативные меры для защиты человека от иных лиц или, в зависимости обстоятельств, от самого себя. Тем не менее данное обязательство не должно толковаться как возлагающее на властей излишнее или чрезмерное бремя и не учитывающее те трудности, с которыми сотрудники правоохранительных органов сталкиваются при исполнении возложенных на них обязанностей в современном обществе, а также непредсказуемость поведения человека и критерии принятия решений с точки зрения приоритетов и имеющихся ресурсов. Таким образом, согласно Конвенции, – существование какой-либо возможной угрозы жизни не возлагает на власти обязательства предпринять конкретные меры, направленные на недопущение ее реализации (пункт 115 постановления от 22 декабря 2015 года по делу «Лыкова против Российской Федерации»).

Позитивные обязательства органов власти, предусмотренные статьей 2 Конвенции, не являются безусловными: не все предполагаемые угрозы для жизни обязывают органы власти принять конкретные меры по предотвращению опасности. Обязанность по принятию конкретных мер возникает только в тех случаях, когда органы власти знали или должны были знать в соответствующий момент о существовании реальной и непосредственной угрозы для жизни, и когда они сохранили определенную степень контроля над ситуацией... Европейский Суд требует от [г]осударства-ответчика принятия только тех мер, которые «осуществимы» в данных

обстоятельствах (пункт 209 постановления от 20 декабря 2011 года по делу «Финогенов и другие против Российской Федерации»).

*Руководство Европейского Суда по правам человека «Право на жизнь»
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)*

Суд устанавливал наличие позитивного обязательства в рамках статьи 2 Конвенции, в том числе, в следующих контекстах:

- оказания медицинской помощи...;
- опасных видов деятельности, включая техногенные или экологические катастрофы...;
- несчастных случаев, произошедших на борту яхты ..., в поездах ..., на строительной площадке..., на игровой площадке... или в школе...;
- обеспечения безопасности на дорогах..., оказания экстренной помощи... или осуществления водолазных спусков в открытом море...;
- медицинского обслуживания и помощи, предоставляемой малозащищенным лицам, помещенным в государственные учреждения...

Кроме того, он устанавливал наличие позитивного обязательства в рамках статьи 2 Конвенции в отношении неспособности государства обеспечить охрану зоны, заминированной военными (пункт 10 Руководства).

В деле, где муж заявительницы скончался в результате падения на него дерева на курорте, Суд постановил, что обязанность государства по защите права на жизнь предусматривала принятие мер, обеспечивающих безопасность граждан в общественных местах (пункт 11 Руководства).

Вместе с тем Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что статью 2 Конвенции нельзя толковать как гарантирующую каждому лицу абсолютную безопасность при любых действиях, когда право на жизнь ставится под угрозу, в частности, когда соответствующее лицо несет определенную ответственность за происшествие, при котором оно подверглось неоправданному риску (пункт 12 Руководства).

Европейский Суд указывал, что при определенных четко перечисленных обстоятельствах статья 2 Конвенции может также возлагать на власти позитивное обязательство по принятию превентивных оперативных мер по защите лица, чья жизнь подвергается угрозе вследствие преступных действий другого лица (пункт 14 Руководства).

Суд принимает во внимание необходимость обеспечения гарантий того, чтобы полиция осуществляла свои полномочия по борьбе с преступностью и профилактике преступлений, в полной мере уважая требования надлежащей правовой процедуры и иные гарантии, которые на законных основаниях

ограничивают их деятельность по расследованию преступлений и привлечению виновных к ответственности, в том числе гарантии, содержащиеся в статьях 5 и 8 Конвенции (пункт 16 Руководства).

Что касается конкретных практических мер, то Европейский Суд неоднократно указывал, что, *если государство должно принять позитивные меры, выбор таковых в принципе относится к пределам свободы усмотрения Высокой Договаривающейся Стороны* (пункт 31 Руководства).

При оценке того, соответствовали ли действия государства-ответчика его позитивным обязательствам, Суд должен принимать во внимание конкретные обстоятельства дела и уделять надлежащее внимание, среди прочих аспектов, правомерности действий или бездействия властей, процессу принятия решения на внутригосударственном уровне, включая расследования и исследования, а также сложности вопросов, особенно в сфере конкурирующих интересов Конвенции. *Объем позитивных обязательств, которые возложены на государство, зависит от характера угрозы и степени, до которой тот или иной риск может быть снижен* (пункт 32 Руководства).

Практика Комитета ООН по правам человека

Государства-участники должны уважать право на жизнь. Это влечет за собой обязанность воздерживаться от участия в действиях, приводящих к произвольному лишению жизни. Государства-участники должны также обеспечивать право на жизнь и проявлять должную осмотрительность для защиты жизни людей от лишений, вызванных действиями лиц или структур, чье поведение не может присваиваться государству. Обязательство государств-участников уважать и обеспечивать право на жизнь распространяется на разумно предсказуемые угрозы и угрожающие жизни ситуации, которые могут привести к гибели людей (пункт 7 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Обязанность принимать позитивные меры для защиты права на жизнь вытекает из общей обязанности государства обеспечивать права, признаваемые в Пакте. Это сформулировано в пункте 1 статьи 2 [Пакта] в ее совместном прочтении со статьей 6, а также следует из конкретной обязанности защищать право на жизнь в соответствии с законом, что зафиксировано во втором предложении статьи 6. Таким образом, государства-участники обязаны проявлять должную осмотрительность, принимая разумные позитивные меры, не возлагающие на них несоразмерного бремени, в ответ на разумно предсказуемые угрозы жизни, исходящие от частных лиц и

структур, чье поведение не может присваиваться государству. Поэтому государства-участники обязаны принимать надлежащие превентивные меры для защиты лиц от разумно предсказуемых угроз убийством или лишения жизни преступниками и организованными бандами или ополченцами, включая вооруженные или террористические группы... [Г]осударства-участники должны принимать надлежащие меры по защите, включая постоянный надзор, в целях предупреждения, расследования, назначения наказаний и предоставления средств правовой помощи в связи с актами произвольного лишения жизни, совершаемыми частными субъектами, такими как частные транспортные компании, частные больницы и частные охранные фирмы (пункт 21 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь»). Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Государства-участники должны... принимать соответствующие законодательные и другие меры для обеспечения того, чтобы вся деятельность, полностью или частично осуществляемая на их территории и в других местах под их юрисдикцией, но оказывающая непосредственное и разумно предсказуемое воздействие на осуществление права на жизнь людей за пределами их территории, включая деятельность, осуществляемую корпоративными структурами, базирующимися на их территории или под их юрисдикцией, согласовывалась со статьей 6 [Пакта] при должном учете соответствующих международных стандартов корпоративной ответственности и права жертв на получение эффективного средства правовой защиты (пункт 22 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь»). Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Государства-участники должны незамедлительно и эффективно реагировать в целях защиты лиц, оказавшихся под конкретной угрозой, путем принятия специальных мер, таких как назначение круглосуточной полицейской охраны, издание охранных и ограничительных судебных приказов в отношении потенциальных агрессоров и, в исключительных случаях и только при наличии свободного и осознанного согласия лица, находящегося под угрозой, содержание под стражей в целях защиты (пункт 23 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь»). Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Обязанность по защите жизни также подразумевает, что государствам-участникам следует принимать соответствующие меры для улучшения общих условий в обществе, которые могут создавать прямые угрозы жизни или препятствовать лицам в пользовании их правом на жизнь с

достоинством. Эти общие условия могут включать высокие уровни преступности и вооруженного насилия, частые несчастные случаи на транспорте и на производстве, деградацию окружающей среды...., лишение коренных народов прав на землю, территории и ресурсы, распространенность опасных для жизни заболеваний, таких как СПИД, туберкулез и малярия, широкое злоупотребление психоактивными веществами, массовый голод и недоедание, а также крайнюю нищету и бездомность. К числу мер, которые требуется принять в целях создания надлежащих условий для защиты права на жизнь, относятся, где это необходимо:

- меры, призванные обеспечивать безотлагательный доступ людей к основным товарам и услугам (таким как продовольствие, водоснабжение, жилье, медицинское обслуживание, электроснабжение и санитарные услуги),
- а также другие меры, направленные на поощрение и обеспечение надлежащих общих условий, такие как укрепление служб по оказанию эффективной неотложной медицинской помощи, проведение операций по ликвидации чрезвычайных ситуаций (в том числе силами пожарных, служб скорой помощи и полиции) и осуществление программ социального жилья (пункт 26 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Инвалиды, включая людей с психосоциальными или интеллектуальными нарушениями, также имеют право на конкретные меры защиты, позволяющие обеспечить для них эффективное пользование правом на жизнь наравне с другими. Подобные меры защиты должны включать предоставление разумных приспособлений, когда это необходимо для обеспечения права на жизнь (обеспечивающих доступ инвалидов к основным объектам и услугам) и конкретные меры, направленные на предотвращение необоснованного применения силы сотрудниками правоохранительных органов в отношении инвалидов (пункт 24 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

[Н]асилие не свойственно человеческой природе и что его не так сложно истребить, как принято утверждать, а для защиты права на жизнь можно и должно изыскивать новые способы, в том числе предполагающие использование технологий (пункт 23 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 2 сентября 2016 года. A/71/372).

4.2. Позитивные обязательства государства (материальные аспекты) по уважению, обеспечению и защите права на жизнь

4.2.1 принцип должной осмотрительности, подлежащий реализации государством в ходе защиты права на жизнь

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Для того чтобы установить, исполнило ли государство-ответчик свое обязательство по защите права на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции, Европейский Суд должен проверить, *сделали ли власти Российской Федерации все разумно возможное добросовестно и своевременно, чтобы попытаться предотвратить смертельный исход в этом деле* (пункт 45 постановления от 14 февраля 2017 года по делу «*Караханян против Российской Федерации*»).

[Н]ебрежность со стороны следственных или надзорных органов в случае реальных и непосредственных угроз в адрес установленного лица со стороны представителей государства, таких как сотрудников милиции, которые действуют явно за рамками своих законных обязанностей, может составлять нарушение позитивного обязательства охранять жизнь (пункт 104 постановления от 18 сентября 2014 года по делу «*Макаева против Российской Федерации*»).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Согласно [3]амечанию общего порядка № 36 [Комитета ООН по правам человека] *обязательство по защите* включает в себя создание в соответствии с законом надлежащих институтов и процедур для предотвращения лишения жизни; *государства-участники обязаны проявлять должную осмотрительность и принимать разумные позитивные меры, не возлагающие на них несоразмерного бремени, в ответ на разумно предсказуемые угрозы жизни* (пункт 34 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 4 октября 2019 года. A/HRC/41/36).

Принцип должной осмотрительности, применяющийся для защиты от незаконного лишения жизни, был сформулирован целым рядом судов повсюду в мире, которые тяготеют к оценке должной осмотрительности, исходя из:

- а) того, что было известно или должно было быть известно государству;
- б) рисков или вероятности предсказуемого вреда; и
- с) серьезности вреда (пункт 35 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 4 октября 2019 года. A/HRC/41/36).

Следует упомянуть [постановление] Европейского [С]уда по правам человека в деле *«Осман против Соединенного Королевства»*, которое касалось исков против британской полиции за непринятие надлежащих мер в связи с информацией о том, что местный школьный учитель собирался причинить вред одному из своих учеников и семье этого ученика. Европейский [С]уд по правам человека истолковал защиту права на жизнь как возлагающую на государственные органы *обязанность «принимать надлежащие меры для защиты жизни лиц, находящихся под их юрисдикцией», и «принимать превентивные оперативные меры для защиты лица, чья жизнь находится под угрозой вследствие преступных действий другого лица»*.... В случае наличия утверждения о том, что власти нарушили свое позитивное обязательство по защите права на жизнь в контексте своей вышеупомянутой обязанности по предупреждению и пресечению преступлений против личности... *должно быть неопровержимо установлено, что власти знали или должны были знать в то время о существовании реальной и непосредственной угрозы жизни определенного лица или определенных лиц вследствие преступных действий третьей стороны и что они не приняли мер в пределах своих полномочий, которые согласно разумному суждению могли бы позволить избежать этой угрозы.* Для предъявления государственным органам иска за несоблюдение этой обязанности «заявителю достаточно продемонстрировать, что органы не сделали всего, что можно было бы разумно от них ожидать, во избежание реальной и непосредственной угрозы жизни, о которой они знали или должны были знать». «На этот вопрос можно ответить только в свете всех обстоятельств каждого конкретного дела» (пункт 36 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 4 октября 2019 года. A/HRC/41/36).

Судебная практика в отношении применения принципа должной осмотрительности и его практического осуществления сотрудниками полиции указывает на *необходимость рассмотрения следующих элементов*:

- а) существуют ли достоверные угрозы, поддающиеся объективной проверке; иными словами, подтверждаются ли они ссылками на ряд источников информации;

б) намереваются ли правонарушители осуществить свои угрозы, находятся ли они в соответствующем положении, включая физическую близость, и способны ли они выполнить угрозы;

с) является ли риск непосредственным в смысле его непрерывности и быстрой реализуемости;

д) возникают ли для жертвы в связи с ее идентичностью конкретные ситуации уязвимости или риска;

е) существует ли систематическая практика насилия в отношении групп лиц по признаку их идентичности (пункт 38 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 4 октября 2019 года. A/HRC/41/36).

Различные авторитетные источники повсюду в мире признают *обязанность правоохранительных органов предупреждать предполагаемых жертв об угрозах их безопасности...* Предупреждение для выявленной жертвы может издаваться, когда сотрудник, которому поручено заниматься данной угрозой, полагает, что выявленная жертва должна быть поставлена в известность о существующих для нее угрозе/риске... *Цель «предупредительного уведомления»* состоит в том, чтобы уведомить потенциальную жертву о существовании угрозы или риска в ее отношении и предоставить потенциальной жертве возможность принять меры предосторожности для своей защиты или дать жертве возможность рассмотреть предлагаемые полицией защитительные меры... «Предупредительное уведомление» может иметь две цели. «Предупредительное уведомление об угрозе жизни» должно издаваться в тех случаях, когда угроза считается «реальной» и «непосредственной». «Предупредительное уведомление с рекомендацией о личной безопасности» должно издаваться в тех случаях, когда имеется оперативная информация, позволяющая предположить, что личная безопасность человека находится под угрозой, но угроза не является «реальной» и «непосредственной», хотя и может включать в себя определенную форму менее опасного насилия (пункт 55 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 4 октября 2019 года. A/HRC/41/36)¹¹.

¹¹ Например, британские полицейские департаменты отреагировали на вышеупомянутое постановление по делу «Осман против Соединенного Королевства», введя в действие политику, требующую от сотрудников полиции предупреждать предполагаемых жертв, если они располагают оперативной информацией о реальной и непосредственной угрозе жизни предполагаемой жертвы. Так, в 2017 году полиция Англии и Уэльса издала свыше 776 так называемых *предупреждений Османа* или уведомлений об угрозе жизни. За период 2012–2015 годов полицейские подразделения на всей территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии издали 1948 таких уведомлений.

4.2.2 принятие государством законодательства как материальный аспект позитивных обязательств государства по уважению, обеспечению и защите права на жизнь

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[П]озитивное обязательство [принимать надлежащие меры для защиты жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией], прежде всего, предполагает возложение на государство *обязанности по внедрению законодательной и административной основы для обеспечения эффективной защиты от действий, представляющих угрозу для права на жизнь*. В частности, данное обязательство предусматривает и разработку законодательной основы для обеспечения безопасности дорожного движения (пункт 96 постановления от 12 июля 2016 года по делу «Котельников против Российской Федерации»).

[Обязанность государства внедрить законодательную и административную базу]... требует, чтобы государство вводило законоположения, побуждающие как частные, так и государственные учреждения принимать соответствующие меры по защите жизни людей. Эти законодательные меры должны регулировать лицензирование, организацию, эксплуатацию, безопасность и надзор за деятельностью, а также обязывать все заинтересованные стороны принимать практические меры для обеспечения эффективной защиты граждан, чья жизнь может быть поставлена под угрозу в связи с неотъемлемыми рисками. Соответствующие нормативные акты, принимая во внимание технические аспекты деятельности, должны также предусматривать определенные процедуры для определения недостатков в указанных процессах, а также каких-либо ошибок, совершенных ответственными лицами на разных уровнях (пункт 26 постановления от 28 января 2020 года по делу «Зинатуллин против Российской Федерации»).

[Обязанность государства внедрить законодательную и административную базу] применяется в контексте любой деятельности, будь она государственной или нет, в которой затрагивается право на жизнь..., или в контексте смерти в общественном месте (пункт 25 постановления от 28 января 2020 года по делу «Зинатуллин против Российской Федерации»).

В контексте деятельности на строительных площадках, которая может представлять опасность для жизни людей ввиду ее опасного характера, государства должны принимать необходимые разумные меры для обеспечения безопасности людей, в том числе посредством законодательных актов,

учитывающих особенности рассматриваемой деятельности.... В отсутствие необходимых мер предосторожности любая строительная площадка, особенно расположенная жилым районом, может привести к опасным для жизни несчастным случаям, которые могут включать не только профессиональных строителей, знакомых с возможными рисками, но и общественность в целом, включая уязвимые группы (например, дети), которые могут легко подвергнуться этим рискам (пункт 27 постановления от 28 января 2020 года по делу «*Зинатуллин против Российской Федерации*»).

[П]озитивное обязательство... государства установить законодательные и административные рамки.. призван[о] обеспечить эффективную защиту. Данные рамки должны включать нормативные требования, взаимосвязанные с конкретными особенностями определенных видов деятельности, особенно в части степени потенциальной угрозы человеческой жизни. Государство должно с максимальной осторожностью подходить к вопросу определения *ограниченного* списка обстоятельств, в которых сотрудники правоохранительных органов *вправе применять огнестрельное оружие* (пункт 94 постановления от 1 декабря 2016 года по делу «*Герасименко против Российской Федерации*»).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

[О]бязательство государства регулировать ту или иную сферу должно пониматься в более широком смысле, включая обязанность обеспечивать эффективное функционирование этой регулятивной базы. Таким образом, регулятивные обязанности включают в себя необходимые меры по обеспечению реализации норм, включая надзор и исполнение (пункт 189 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»)¹².

Европейский Суд проводит различие между *требованием качества закона* с точки зрения статей 3, 5 и 8 Конвенции в делах, затрагивающих негативный аспект соответствующего права, и в делах, касающихся обязанности создания нормативной базы для защиты лица от причинения ему вреда третьими лицами или им самому себе. Требование качества закона, предусмотренное в пункте 1 статьи 5 Конвенции, предполагает, что, если законодательство страны разрешает лишение свободы, то это законодательство должно быть достаточно доступным, точным и предсказуемым в его применении с тем, чтобы исключить любой риск

¹² Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 6(18)/2018. Под ред. Ю.Ю. Берестнева, пер. с англ. яз. ООО «Развитие правовых систем».

произвола... Поскольку цель требования о создании соответствующей нормативной базы по статье 2 Конвенции заключается в ином, а именно – в предоставлении необходимых средств для защиты жизни пациента, то отсутствие письменных правил об использовании мер принуждения не является определяющим для его эффективности и само по себе не означает, что было допущено нарушение статьи 2 Конвенции (пункт 119 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 31 января 2019 года по делу «Фернандеш де Оливейра (Fernandes de Oliveira) против Португалии»).

Практика Комитета ООН по правам человека

Во втором предложении пункта 1 статьи 6 [Пакта] предусматривается, что право на жизнь «охраняется законом». Это означает: *государства-участники должны создать правовую основу для обеспечения полного осуществления права на жизнь всеми лицами, что может быть необходимо для реализации права на жизнь*. Обязанность по защите права на жизнь в соответствии с законом включает также обязательство государств-участников принимать любые соответствующие законы или другие меры для защиты жизни от всех разумно предсказуемых угроз, включая угрозы, исходящие от частных лиц и структур (пункт 18 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Обязанность по защите права на жизнь в соответствии с законом обуславливает требование в отношении того, чтобы любое материально-правовое основание для лишения жизни установлено законом и определено с достаточной точностью, с тем чтобы не допускать слишком широкого или произвольного толкования или применения. Поскольку лишение людей жизни государственными властями является вопросом чрезвычайной сложности, законом должны строго регулироваться и ограничиваться те обстоятельства, при которых человек может быть лишен жизни такими органами власти, и государства-участники должны обеспечивать полное соблюдение всех соответствующих правовых положений. Обязанность защищать право на жизнь согласно закону также требует от государств-участников организации всех государственных органов и структур управления, через которые осуществляется государственная власть, в соответствии с необходимостью соблюдать и обеспечивать право на жизнь, включая создание по закону надлежащих институтов и процедур для предотвращения лишения жизни, расследования и судебного преследования в случаях предполагаемого незаконного лишения жизни, вынесения наказаний и предоставления полного возмещения (пункт 19 Замечания общего порядка

№ 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Государства-участники должны принять защитную нормативно-правовую основу, которая включает эффективные уголовно-правовые запреты всех проявлений насилия или подстрекательства к насилию, которые способны приводить к лишению жизни, таких как умышленное убийство или убийство по небрежности, неоправданное или несоразмерное применение огнестрельного оружия, инфантицид, убийства «в защиту чести», линчевание, насильственные преступления по мотивам ненависти, преступления на почве кровной мести, ритуальные убийства, угрозы смертью и террористические нападения. Уголовные санкции за эти преступления должны быть соизмеримы с их тяжестью, оставаясь при этом совместимыми со всеми положениями Пакта (пункт 20 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

4.2.3 выполнение государством позитивных обязательств по уважению, обеспечению и защите права лица на жизнь в сфере здравоохранения

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

[П]озитивные обязательства требуют от государства принимать постановления, заставляющие больницы, государственные или частные, предпринимать надлежащие шаги для защиты жизни своих пациентов. Они также требуют создания эффективной независимой судебной системы, способной определить причины смерти пациентов, находящихся на попечении медицинских учреждений, государственных или частных, и привлечь виновных к ответственности (пункт 54 постановления от 23 марта 2010 года по делу «Ойал против Турции»)¹³.

[П]омимо заботы о соблюдении прав, предусмотренных статьей 2 Конвенции, в каждом отдельном случае более общие соображения также требуют скорейшего рассмотрения дел о медицинской халатности в медицинских учреждениях. Знание фактов о возможных ошибках, допущенных в ходе оказания медицинской помощи, является необходимым условием для того, чтобы медицинские учреждения и медицинский персонал имели возможность исправить предполагаемые недостатки и предотвратить подобные ошибки. Оперативное рассмотрение таких дел имеет большое

¹³ Режим доступа: URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108736>.

значение для безопасности потребителей всех медицинских услуг (пункт 76 постановления от 23 марта 2010 года по делу «*Ойал против Турции*»).

Даже в делах, где был установлен факт халатности со стороны врачей, Европейский Суд приходил к выводу о нарушении статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте, *только если соответствующая законодательная база не обеспечивала надлежащую защиту жизни пациента*. Европейский Суд подтвердил, что если Договаривающееся Государство в нормативном порядке обеспечивало применение высоких профессиональных стандартов в области медицины и защиту жизней пациентов, то такие факты, как ошибочное суждение со стороны профессионального медицинского работника или отсутствие надлежащей координации между медицинскими работниками при лечении конкретного пациента, *не могут сами по себе считаться достаточными для привлечения Договаривающегося Государства к ответственности с точки зрения его позитивных обязательств по статье 2 Конвенции* (пункт 106 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 31 января 2019 года по делу «*Фернандеш де Оливейра (Fernandes de Oliveira) против Португалии*»)¹⁴.

Вопрос о том, было ли допущено со стороны государства нарушение обязательства по созданию нормативной базы, требует скорее конкретной, чем абстрактной оценки предполагаемого нарушения. Задача Европейского Суда, как правило, заключается не в том, чтобы рассматривать соответствующее законодательство и правоприменительную практику абстрактно, а в том, чтобы определить, являлось ли то, каким образом они были применены к пациенту или отразились на нем, нарушением Конвенции... Следовательно, *сам факт того, что в нормативной базе могут быть определенные недостатки, не является достаточным, чтобы вызвать вопросы с точки зрения статьи 2 Конвенции*. Необходимо доказать, что эти недостатки негативным образом отразились на состоянии пациента (пункт 107 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 31 января 2019 года по делу «*Фернандеш де Оливейра (Fernandes de Oliveira) против Португалии*»).

Что касается людей с психическими расстройствами, то Европейский Суд считает их особенно уязвимыми... Если власти приняли решение о лишении свободы лица, страдающего психическим расстройством, они

¹⁴ В деле «*Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии (Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal)*» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 19 декабря 2017 года, жалоба № 56080/13 1, § 165) Большая Палата недавно подтвердила и разъяснила сферу действия позитивных обязательств государств, предусмотренных в статье 2 Конвенции, в контексте предполагаемой халатности врачей.

должны проявлять тщательную заботу при обеспечении таких условий, которые соответствуют особым потребностям данного лица, вытекающим из его или ее состояния здоровья. Аналогичные рассуждения применимы к лицам, которые принудительно содержатся в психиатрических учреждениях (пункт 113 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 31 января 2019 года по делу «*Фернандеш де Оливейра (Fernandes de Oliveira) против Португалии*»).

[Н]е исключена возможность того, что действия и бездействие органов власти в контексте политики общественного здравоохранения при определенных обстоятельствах могут повлечь за собой ответственность Договаривающихся Государств в соответствии с материально-правовым аспектом статьи 2 Конвенции (пункт 167 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Лопеш де Соуза Фернандеш (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

Европейский Суд... считал, что в контексте статьи 2 Конвенции может возникнуть вопрос в тех случаях, когда продемонстрировано: *власти Договаривающегося Государства подвергают риску жизнь человека, отказывая ему в медицинской помощи, которую они обязались предоставлять населению в целом* (пункт 173 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Лопеш де Соуза Фернандеш (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»)¹⁵.

¹⁵ Здесь приводится краткий обзор практики Европейского Суда по правам человека по вопросам не оказания медицинской помощи.

«Европейский Суд установил процессуальное нарушение в деле «*Панайтеску против Румынии*» (*Panaitescu v. Romania*) ([п]остановление Европейского Суда от 10 апреля 2012 года, жалоба № 30909/06), в котором он пришел к выводу о том, что власти не предотвратили опасность для жизни заявителя, не предоставив ему надлежащего медицинского обслуживания, как того требовали внутригосударственные суды. Это было весьма исключительное дело, связанное с отказом внутригосударственных властей бесплатно предоставить пациенту дорогостоящий препарат для лечения рака в случае, когда суды страны решили, что соответствующее лицо имеет такое право» (пункт 176 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 г. по делу «*Лопеш де Соуза Фернандеш (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

«Нарушение материально-правового аспекта статьи 2 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] было установлено в контексте отказа в медицинской помощи в ... деле «*Мехмет Шентюрк и Бекир Шентюрк против Турции*», в котором беременная жена первого заявителя умерла в машине «скорой помощи» из-за отказа врачей провести срочную операцию, поскольку у нее не было возможности оплатить медицинские услуги. В этой связи Европейский Суд указал – не оспаривается тот факт, что пациентка поступила в больницу в тяжелом состоянии и ей требовалась срочная операция, в противном случае могли возникнуть чрезвычайно серьезные последствия. Хотя Европейский Суд не захотел спекулировать по поводу шансов на выживание жены первого заявителя, если бы она

получила медицинскую помощь, он пришел к выводу: медицинский персонал был полностью осведомлен о том, что перевод пациентки в другую больницу поставит ее жизнь под угрозу. В этой связи Европейский Суд отметил: во внутригосударственном законодательстве не содержалось каких-либо положений, способных предотвратить неоказание помощи больной, которая требовалась ввиду ее состояния. В связи с этим Европейский Суд решил, что жена первого заявителя, ставшая жертвой вопиющего нарушения работы соответствующих отделений больницы, была лишена возможности доступа к надлежащей экстренной медицинской помощи» (пункт 178 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

«В... деле «*Асийе Генч против Турции*» новорожденный ребенок заявительницы скончался в машине «скорой помощи» после отказа в приеме в ряд государственных больниц из-за нехватки места или надлежащего оборудования в их неонатальных отделениях. Европейский Суд, полагая, что внутригосударственные власти в недостаточной степени обеспечили надлежащую организацию и функционирование государственной больничной службы или, в более общем плане, его системы охраны здоровья, указал – сын заявительницы стал жертвой нарушения организации работы больничных служб, поскольку он был лишен доступа к надлежащему экстренному лечению. Европейский Суд подчеркнул: ребенок умер не из-за халатности или ошибки в диагнозе в его медицинском обслуживании, а потому что ему вообще не было предложено никакого лечения. В связи с этим Европейским Судом был сделан вывод об отказе в предоставлении медицинского лечения, в результате чего жизнь пациента оказалась под угрозой» (пункт 179 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 г. по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

«В...деле «*Елена Кожокару против Румынии*» беременная дочь заявительницы, которая страдала от тяжелого предродового состояния и умерла после того, как врач в государственной больнице отказался сделать ей экстренное кесарево сечение, и ее перевели в другую больницу, находящуюся в 150 км от первой больницы, без наблюдения врача. Новорожденный ребенок умер через два дня. Европейский Суд установил, что обстоятельства в данном деле представляли собой непредоставление адекватного экстренного лечения..., поскольку независимо от причины перевод пациентки оно задержало оказание экстренного лечения, в котором она нуждалась. Очевидная несогласованность действий медицинских служб и задержка в проведении соответствующего экстренного лечения свидетельствовали о недостатках в работе государственных больничных служб» (пункт 180 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

«[Д]ело «*Айдогду против Турции*» касалось смерти недоношенного ребенка вследствие совокупности обстоятельств, в частности, из-за недостатков функционирования в системе здравоохранения в конкретном регионе Турции.... В указанном деле Европейский Суд решил – органы, ответственные за оказание медицинской помощи, должны были знать во время этих событий, что существовала реальная опасность для жизни многих пациентов, в том числе детей, из-за хронического положения в области здравоохранения, которое было общеизвестным, и все же не предприняли никаких мер, которых можно было бы разумно ожидать от них, чтобы предотвратить этот риск. Европейский Суд констатировал: власти государства-ответчика не объяснили, почему

Европейский Суд провел различие между... делами, в которых фигурирует доказуемое *утверждение об отказе в экстренной неотложной помощи*, и делами, которые касаются *утверждений просто о медицинской халатности*.... Таким образом, подход, принятый в вышеуказанных делах, не может применяться в делах, в которых утверждения касаются лишь медицинской халатности (пункт 182 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

[Д]ела [в которых фигурирует доказуемое *утверждение об отказе в экстренной неотложной помощи*], по мнению Европейского Суда, являются исключительными, когда вина медицинских работников выходит за рамки простой ошибки или медицинской халатности. Они касались обстоятельств, при которых медицинский персонал в нарушение своих профессиональных обязанностей *не оказывал экстренной медицинской помощи, несмотря на то, что он полностью осознавал, что жизнь человека будет поставлена под угрозу, если такое лечение не будет предоставлено* (пункт 183 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

Даже в делах, в которых был установлен факт медицинской халатности, Европейский Суд обычно устанавливает нарушение материально-правового аспекта статьи 2 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] только в том случае, если соответствующая нормативная база не обеспечивала должной защиты жизни пациента. Европейский Суд вновь подтверждает, что в тех случаях, когда Договаривающееся Государство приняло надлежащие меры для обеспечения высоких профессиональных стандартов для медицинских работников и

принятие таких мер стало бы для властей невозможным или несоразмерным бременем, учитывая оперативный выбор, который необходимо было сделать с точки зрения приоритетов и ресурсов.... С учетом изложенного Европейский Суд постановил, что власти Турции не приняли достаточных мер для обеспечения надлежащей организации и функционирования государственной больничной службы в этом регионе страны, в частности, из-за отсутствия нормативной базы, устанавливающей правила для больниц, обеспечивающие защиту жизни недоношенных детей.

Европейский Суд, отмечая, что, помимо халатности медицинского персонала, существовала причинно-следственная связь между смертью ребенка и вышеупомянутыми структурными проблемами, постановил, что ребенок стал жертвой халатности и структурных недостатков. Это фактически помешало матери ребенка получить соответствующее экстренное лечение и означало отказ в оказании медицинской помощи, в результате чего жизнь пациента оказалась под угрозой» (пункт 181 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

защиты жизни пациентов, такие вопросы, как ошибочность вывода медицинского работника или халатность в координации действий между медицинскими работниками при лечении конкретного пациента, *не могут считаться достаточными сами по себе для того, чтобы поднять вопрос об ответственности Договаривающегося Государства с точки зрения его позитивных обязательств в соответствии со статьей 2 Конвенции защищать жизнь человека* (пункт 187 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Фернандеш (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

На основе этого более широкого понимания обязательства государств обеспечивать регулятивную базу Европейский Суд признал, что *при исключительных обстоятельствах....* может быть поднят вопрос об ответственности государства в контексте материально-правового аспекта статьи 2 Конвенции в отношении действий и бездействия медицинских работников (пункт 190 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Фернандеш (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

Первый тип исключительных обстоятельств относится к ситуации, когда жизнь конкретного пациента сознательно подвергается опасности в результате отказа в доступе к жизненно важному экстренному лечению.... К ним не относятся обстоятельства, при которых пациент считается получившим недостаточное, неправильное или несвоевременное лечение (пункт 191 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Фернандеш (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

Второй тип исключительных обстоятельств возникает, когда системные или структурные недостатки в организации больничных служб приводят к тому, что пациента лишают доступа к жизненно важному экстренному лечению, и власти знали или должны были знать об этом риске и не приняли необходимых мер для предотвращения возникновения этого риска, тем самым подвергая жизнь пациентов, включая жизнь конкретного пациента, опасности (пункт 192 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Фернандеш (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

Европейский Суд... заявляет ..., что для отнесения дела к ... категории [где имеет место отказ в доступе к жизненно необходимой экстренной помощи, особенно если может возникнуть сочетание факторов, повлекших смерть пациента] должны быть достигнуты в совокупности следующие факторы.

Во-первых, *действия и бездействие медицинских работников должны выходить за рамки простой ошибки или медицинской халатности в той мере, в какой эти медицинские работники в нарушение своих профессиональных обязанностей отказывают пациенту в экстренной медицинской помощи, несмотря на то, что они понимают – жизнь человека находится под угрозой из-за отсутствия этой помощи* (пункт 194 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

Во-вторых, *рассматриваемый недостаток должен быть объективно и реально определен как системный или структурный для того, чтобы его можно было вменить государственным органам, а не просто касаться отдельного случая, когда что-то могло быть ненадлежащим в смысле неправильного или плохого функционирования* (пункт 195 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

В-третьих, *должна существовать связь между обжалуемым недостатком и вредом, который был причинен пациенту. Наконец, рассматриваемый недостаток должен быть результатом невыполнения государством своего обязательства по обеспечению регулятивной базы в более широком смысле*¹⁶ (пункт 196 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

Европейский Суд подчеркивает, что он не вправе ставить под сомнение оценку медицинскими работниками состояния здоровья скончавшегося пациента или их решения относительно того, как его следовало лечить... Такие клинические оценки и решения принимаются с учетом состояния здоровья пациента в тот момент времени и заключений медицинских работников о том, какие меры необходимо предпринять для его лечения (пункт 198 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

¹⁶ «[О]бязательство государства регулировать ту или иную сферу должно пониматься в более широком смысле, включая обязанность обеспечивать эффективное функционирование этой регулятивной базы. Таким образом, *регулятивные обязанности включают в себя необходимые меры по обеспечению реализации норм, включая надзор и исполнение*» (пункт 189 постановления Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «*Lopes de Souza Fernandes (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии*»).

Практика Комитета ООН по правам человека

Хотя государства-участники могут принимать меры, направленные на регулирование добровольного прерывания беременности, эти меры не должны приводить к нарушению права на жизнь беременной женщины или девочки или ее других прав, закрепленных в Пакте. Таким образом, ограничение возможности женщин или девочек прибегать к аборту не должно, среди прочего, ставить под угрозу их жизнь, причинять им физическую или психическую боль или страдания в нарушение статьи 7 Пакта, подвергать их дискриминации или произвольному вмешательству в их частную жизнь. Государства-участники должны обеспечить безопасный, законный и эффективный доступ к аборту в тех случаях, когда жизнь и здоровье беременной женщины или девочки находятся под угрозой или когда доношивание плода причинит беременной женщине или девочке сильную боль или страдание, особенно в тех случаях, когда беременность наступила в результате изнасилования или инцеста или плод нежизнеспособен. Кроме того, государства-участники не могут регулировать беременность или аборты во всех других случаях таким образом, чтобы это противоречило их обязанности обеспечивать, чтобы женщинам и девочкам не приходилось прибегать к небезопасным абортам, и им следует соответствующим образом пересмотреть свое законодательство об абортах. Например, им не следует принимать такие меры, как криминализация беременности незамужних женщин или применение уголовных санкций к женщинам и девочкам, делающим аборты, или к медицинским работникам, которые оказывают им в этом содействие, поскольку принятие таких мер вынуждает женщин и девочек прибегать к небезопасным абортам. Государствам-участникам рекомендовано устранить существующие препятствия для эффективного доступа женщин и девочек к безопасным и законным абортам, включая препятствия, возникающие в результате отказа отдельных медицинских работников по соображениям совести, и не следует создавать новые препятствия. Государствам-участникам следует также эффективно защищать жизнь женщин и девочек от рисков для психического и физического здоровья, связанных с небезопасными абортами. В частности, им необходимо обеспечить доступ женщин и мужчин, и особенно девочек и мальчиков, к качественной и фактологически обоснованной информации и просвещению по вопросам сексуального и репродуктивного здоровья и к широкому спектру доступных методов контрацепции, а также не допускать стигматизации женщин и девочек, прибегающих к абортам. Государствам-участникам следует обеспечить для женщин и девочек доступность качественного родового и послеабортного медицинского обслуживания и эффективный доступ к нему при любых обстоятельствах и на конфиденциальной основе (пункт 8 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь».

Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

4.2.4 позитивные обязательства государства по обеспечению *достойной жизни* для лиц в аспекте защиты их права на жизнь¹⁷

Практика Комитета ООН по правам человека

Комитет напоминает, что *право на жизнь не может быть правильно понято, если его толковать ограничительно*, и что защита этого права требует от государств-участников принятия позитивных мер. Комитет напоминает также о своем [3]амечании общего порядка № 36 (2018) о праве на жизнь, в котором он установил, что *право на жизнь включает также право людей на достойную жизнь и на свободу от действий или бездействия, которые могли бы привести к их неестественной или преждевременной смерти* (пункт 3). Комитет... напоминает, что обязательство государств-участников уважать и обеспечивать право на жизнь распространяется на разумно предсказуемые угрозы и угрожающие жизни ситуации, которые могут привести к гибели людей. Государства-участники могут стать нарушителями статьи 6 Пакта, даже если такие угрозы и ситуации не приводят к гибели людей. Кроме того, Комитет напоминает, что *деградация окружающей среды, изменение климата и неустойчивое развитие представляют собой ряд наиболее насущных и серьезных угроз для возможности нынешнего и будущих поколений пользоваться правом на жизнь* (пункт 9.4 Соображений Комитета по правам человека от 24 октября 2019 года по делу «*Иоане Тейтиота против Новой Зеландии*»).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Позиция Комитета [ООН по правам человека] свидетельствует о взаимосвязи и взаимозависимости прав человека и понимании взаимосвязи между защитой права на жизнь и реализацией социально-экономических прав. Из этого следует, что *неспособность государства побороть посредством позитивных мер систематические нарушения социально-экономических прав (такие как недоедание, бездомность и болезни) представляет собой*

¹⁷ Для сведения. В 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на достаточное питание, на безопасную питьевую воду и на санитарные услуги*. Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/28922/.

нарушение права на жизнь (пункт 81 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

В своем историческом решении по «безнадзорным детям» Межамериканский [С]уд по правам человека выработал концепцию «*vida digna*» (право на достойную жизнь), в соответствии с которой *«основополагающее право на жизнь включает не только право каждого человека не быть произвольно лишенным жизни, но также и право не подвергаться ограничениям в доступе к таким условиям, которые гарантируют для него достойное существование»* (пункт 82 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

В своем [З]амечании общего порядка № 3 Африканская комиссия по правам человека и народов отмечает, что понятие «*достойная жизнь*».... *[т]ребует широкого толкования обязанностей государств по защите жизни.* Такие действия включают в себя:

- превентивные меры по сохранению и защите окружающей среды;
- и гуманитарное реагирование на стихийные бедствия, голод, вспышки инфекционных заболеваний или другие чрезвычайные ситуации.

Государство также несет ответственность за то, чтобы устранять более хронические, но повсеместно распространенные угрозы для жизни, например, бороться с предотвратимой материнской смертностью путем создания работоспособных систем здравоохранения (пункт 83 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

Право на достойную жизнь включает в себя реализацию таких прав человека, как доступ к:

- питьевой воде,
- санитарным сооружениям,
- достаточному питанию,
- здравоохранению и медицине

с помощью мер, которые должны предотвратить или нивелировать риски для жизни групп людей и отдельных лиц.

Это право также распространяется на осуществление прав человека на обеспечение «полноценного, свободного, безопасного и здорового образа жизни» посредством реализации прав на:

- труд,
- жилище,
- образование
- культуру (пункт 84 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

На практике пересечение между нарушением статьи 6 [Международного пакта о гражданских и политических правах], касающейся права на жизнь, и нарушением экономических, социальных и культурных прав рассматривается с точки зрения, по крайней мере, *двух подходов* (пункт 85 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

Первым и, возможно, наиболее распространенным подходом является использование теста на критерий отсутствия должного усердия: «знало или должно было знать». В деле *Sawhoyataha* Межамериканский [С]уд по правам человека пришел к выводу о том, что неспособность государства обеспечить доступ к медицинским учреждениям и вызванная этим гибель людей стали нарушением права на жизнь. Для решения вопроса о том, имело ли место нарушение права на жизнь, суд разработал двойной тест, при котором устанавливаются следующие два критерия:

а) *органы власти знали или должны были знать* о существовании ситуации, создающей непосредственную и доказанную угрозу жизни какого-либо лица или группы лиц; и

б) *в рамках их полномочий не были приняты необходимые меры*, которые, как можно было разумно ожидать, могли предотвратить возникновение такой угрозы или помочь избежать ее. Руководствуясь этим тестом, Суд счел, что ограничения на свободу передвижения, введенные в этих обстоятельствах в отношении коренных общин и ограничивающие возможности использования традиционной медицины, а также доступа к государственным медицинским услугам, квалифицируются как нарушение государством права на жизнь (пункт 86 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

Второй подход опирается на запрет дискриминации, который, как считается, имеет непосредственное действие: государства-участники должны отменить законы, меры политики и методы работы, которые влияют

на равное осуществление экономических, социальных и культурных прав, и принять меры по недопущению дискриминации в общественной жизни. В 2011 году Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин принял историческое решение в связи с сообщением *«да Силва Пиментел против Бразилии»*, в котором призна[л]: государства имеют непосредственные и подкрепленные правовой санкцией обязательства в области прав человека по противодействию и снижению материнской смертности. Он подчеркнул – ограниченный доступ к качественным услугам по охране материнского здоровья ведет к тому, что конкретные потребности женщин не учитываются, и, таким образом, представляет собой дискриминацию. Комитет также установил следующее: право на жизнь нарушается в тех случаях, когда женщины умирают в результате отказа в доступе к качественным медицинским услугам, поскольку «отсутствие надлежащих услуг по охране здоровья матери оказывает непропорциональное воздействие на право женщин на жизнь». В данном конкретном случае Комитет признал: в дополнение к гендерной дискриминации дискриминация по признаку расы и дохода также сказалась на отсутствии доступа к качественным услугам по охране материнского здоровья, что привело к нарушению права на жизнь (пункт 87 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

[Н]арушения права на жизнь вызваны не только преднамеренным актом лишения жизни (убийство) со стороны государственного или негосударственного актора, но и халатностью государственных органов в том, что касается предоставления базовых условий и услуг, которые гарантируют выживание, таких как доступ к продовольствию, воде, услугам здравоохранения и жилью, халатностью, которую можно напрямую увязать с несоблюдением принципа недискриминации... [Н]арушения права на жизнь также вытекают из преднамеренного отказа государства в тех или иных услугах (пункт 88 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).

4.2.5 позитивные обязательства государства по уважению, обеспечению и защите права на жизнь в сфере охраны окружающей среды

Практика Комитета ООН по правам человека

Комитет отмечает процессы, происходящие в этой области в других международных инстанциях, которые признали существование *бесспорной*

связи между охраной окружающей среды и осуществлением прав человека, а также тот факт, что ухудшение состояния окружающей среды может негативно сказаться на эффективном осуществлении права на жизнь. Серьезное ухудшение состояния окружающей среды уже стало причиной заявлений о нарушении права на жизнь (пункт 7.4 Соображений Комитета по правам человека от 25 июля 2019 года по делу «Норма Портильо Касерес (от ее собственного имени и от имени ее покойного брата Рубена Портильо Касереса), Эрменегильда Касерес, Изабель Бордон Рамирес (от ее собственного имени и от имени ее несовершеннолетнего сына Диего Рубена Портильо Бордона, сына покойного), Руперто Бордон Хуарес, Игнасио Бордон Рамирес, Каферино Бордон Рамирес, Хосе Бордон Рамирес, Алисия Аранда (от ее собственного имени и от имени ее несовершеннолетнего сына Сантьяго Бордона Аранды), Бенито Милсиадес Хара Сильва против Парагвая»).

Комитет отмечает, что как он, так и региональные суды по правам человека установили следующее – *деградация окружающей среды может поставить под угрозу эффективное осуществление права на жизнь* и что серьезная деградация окружающей среды может негативно сказаться на благополучии человека и привести к нарушению права на жизнь (пункт 9.5 Соображений Комитета по правам человека от 24 октября 2019 года по делу «*Иоане Тейтиота против Новой Зеландии*»).

4.2.6 выполнение государством позитивных обязательств по обеспечению и защите права на жизнь в случае экологических бедствий, техногенных катастроф

*Руководство Европейского Суда по правам человека «Право на жизнь»
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)*

В контексте производственной деятельности, которую Европейский Суд считает опасной по самой своей сути, он уделял особое внимание нормативным актам, связанным с особенностями рассматриваемых действий, в частности, со степенью потенциального риска такой деятельности для жизни людей. Европейский Суд полагает, что эти акты должны регулировать

лицензирование,

установку,

работу,

безопасность и контроль за данной деятельностью,

а все заинтересованные стороны должны принимать практические меры для обеспечения эффективной защиты граждан, чьи жизни могут подвергаться неминуемой угрозе (пункт 29 Руководства).

Среди таких превентивных мер особое значение должно уделяться *праву общественности на информацию*, как установлено в прецедентно[й] [практике] конвенционных органов, и нормативные акты должны предусматривать надлежащие процедуры, с учетом технических аспектов соответствующей деятельности, для выявления недостатков в таких процессах и ошибок, совершенных ответственными лицами на разных уровнях (пункт 30 Руководства).

Во всех ситуациях, *когда государство осуществляет опасные действия или занимается их организацией*, либо дает разрешение на проведение таковых, оно должно обеспечить посредством системы правил или процедуры надлежащего контроля, *чтобы риск был сведен к разумному минимуму...* Тем не менее, если ущерб все-таки был причинен, нарушение позитивных обязательств государства будет установлено в том случае, *если это произошло вследствие ненадлежащего правового регулирования или недостаточного контроля*, но не тогда, когда ущерб был вызван халатным поведением лица или цепочкой неблагоприятных событий (пункт 33 Руководства).

Что касается экологических катастроф, которые власти не могут контролировать, то обязательство государства по принятию предупредительных оперативных мер сводится к *улучшению возможности государственных органов действовать в ситуации непредвиденных и разрушительных последствий стихийных бедствий* (пункт 34 Руководства).

Европейский Суд установил, что государство-ответчик не смогло выполнить свое обязательство по защите лиц от экологических бедствий или техногенных катастроф, рассмотрев следующие ситуации:

- смерть в результате *случайного* взрыва на мусорной свалке рядом с трущобным поселком.....;
- гибель людей в результате *прогнозируемого* грязевого оползня ввиду отсутствия реализации властями политики по землеустройству и помощи в чрезвычайных обстоятельствах.....;
- наличие *серьезного* риска для жизни ввиду внезапного сильного наводнения после чрезвычайного массового сброса воды из водохранилища дамбы.....;
- смерть в результате *продолжительного* воздействия асбеста на государственном судостроительном заводе (пункт 35 Руководства).

4.2.7 выполнение государством позитивных обязательств по обеспечению и защите права лица на жизнь при несчастных случаях

*Руководство Европейского Суда по правам человека «Право на жизнь»
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)*

Европейский Суд указал, что позитивные обязательства согласно статье 2 Конвенции требуют от государств *принятия нормативных актов в отношении защиты безопасности людей в общественных местах и гарантирования эффективного функционирования данного законодательства* (пункт 52 Руководства).

В контексте деятельности, которая может представлять опасность для человеческой жизни ввиду ее безусловно опасного характера, такой как *работы на строительной площадке*, государство должно принять обоснованные меры для обеспечения безопасности лиц, включая нормы, учитывающие особые характеристики определенной деятельности (пункт 53 Руководства).

4.2.8 позитивные обязательства государства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

[О]тсутствие какой-либо прямой ответственности властей государства-ответчика за смерть человека или за создание опасности для его жизни не исключает применимости статьи 2 [Конвенции].... Европейский Суд подчеркивает, что в контексте дорожного движения данные обязанности органов власти государства-ответчика влекут за собой *обязательство предусмотреть ряд надлежащих превентивных мер*, направленных на обеспечение общественной безопасности и минимизацию количества дорожно-транспортных происшествий (пункт 135 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 25 июня 2019 года по делу «*Николае Вирджилиу Тэнасе (Nicolae Virgiliu Tănase) против Румынии*»)¹⁸.

Европейский Суд считает, что... обязательство [принимать превентивные оперативные меры для защиты установленного лица от другого лица] при определенных обстоятельствах может *предусматривать оказание неотложной медицинской помощи* при наступлении опасного для жизни

¹⁸ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 7(31)2019. Пер. с англ. яз. И.В. Артамоновой.

несчастливого случая (пункт 136 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 25 июня 2019 года по делу «*Николае Вирджилиу Тэнасе (Nicolae Virgiliu Tănase) против Румынии*»).

4.2.9 позитивные обязательства государства по уважению, обеспечению и защите права на жизнь по отношению к лицу, находящемуся в местах принудительного содержания¹⁹

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Лица, содержащиеся под стражей, находятся в особо уязвимом положении и власти несут ответственность за обращение с ними. Установив, что Конвенция требует от государства охраны здоровья и физического благополучия лиц, лишенных свободы, например, путем предоставления им необходимой медицинской помощи..., Европейский Суд полагает, что в случаях, когда заключенный умирает в результате проблем со здоровьем, государство должно представить объяснение относительно причин его смерти и назначенного до его или ее смерти лечения (пункт 69 постановления от 3 февраля 2011 года по делу «*Генна против Российской Федерации*»).

В качестве общего правила, один лишь факт смерти лица в местах лишения свободы при подозрительных обстоятельствах уже порождает вопрос о том, исполнило ли государство свое обязательство по обеспечению права на жизнь этого лица (пункт 70 постановления от 3 февраля 2011 года по делу «*Генна против Российской Федерации*»).

Конвенция требует от государства-участника защищать психическое и физическое здоровье лиц, находящихся в условиях лишения свободы, например, принимая соответствующие меры для защиты их жизни и оказывая им необходимую медицинскую помощь... Европейский Суд напоминает, что, если рассматриваемые события относятся полностью или в большей части к исключительной компетенции властей, как в случаях с заключенными, находящимися под стражей под контролем властей, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении травм, полученных заключенными во время содержания под стражей, или смерти, произошедшей во время нахождения

¹⁹ Для сведения. В 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации по состоянию на 1 ноября 2020 года было актуализировано *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию*, в котором, в том числе, были изложены отдельные вопросы об условиях нахождения лиц в местах принудительного содержания.

Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/29487/.

под стражей. Действительно, можно считать, что на властях лежит бремя доказывания с целью представления удовлетворительного и убедительного объяснения (пункт 44 постановления от 10 апреля 2012 года по делу «Щебетов против Российской Федерации»).

Как было установлено Судом, для того чтобы возникло позитивное обязательство, должно быть установлено, что *в соответствующий период власти знали или должны были знать о существовании реальной и непосредственной угрозы для жизни определенного лица со стороны третьих лиц или его самого и, зная об этом, не приняли никаких мер в рамках своих полномочий, принятия которых, по здравому рассуждению, от них можно было бы ожидать в целях предотвращения такой опасности...* Тем не менее даже в тех случаях, когда не было установлено, что власти знали или должны были знать о такой опасности, *существуют определенные основные меры предосторожности, которые должны применять сотрудники милиции и пенитенциарных учреждений в целях сведения к минимуму любого потенциального риска здоровью и благополучию задержанного лица* (пункт 48 постановления от 18 июня 2015 года по делу «Фанзиева против Российской Федерации»).

[П]ри получении достоверной информации, указывающей на реальную и непосредственную угрозу жизни [находящегося в местах принудительного содержания] человека, данное обязательство требует принятия срочных и соответствующих мер со стороны правоохранительных органов. Принятые меры могли включать в себя:

- немедленное обследование здания больницы,
- использование экспертных методик, направленных на обнаружение следов нахождения там пропавшего человека и жестокого обращения с ним,
- установление и допрос причастных сотрудников и военнослужащих,
- а также сбор других свидетельств, которые могут со временем стать недоступными, например, записи камер наблюдения. Перечисленные меры должны были быть приняты немедленно после получения властями информации о том, что человека видели в подобных угрожающих жизни обстоятельствах (пункт 100 постановления от 18 сентября 2014 года по делу «Макаева против Российской Федерации»).

Так же, как и содержащиеся под стражей лица, лица, проходящие военную службу, находятся полностью в руках государства, и любые события, к которым причастны вооруженные силы, полностью либо по большей части находятся в исключительной компетенции властей. Таким образом, *государство несет ответственность за любые травмы или случаи со смертельным исходом, имеющие место на военной службе* (пункт 121

постановления от 19 декабря 2013 года по делу «Марина Алексеева против Российской Федерации»).

Европейский Суд придерживается мнения, что лицо не может воспользоваться своим правом отказаться от медицинского лечения осмысленным и разумным образом, если он не имеет достаточной информации о последствиях, которые может повлечь за собой отказ. При отсутствии таких знаний аргументированное решение о том, принять или отвергнуть лечение, невозможно (пункт 48 постановления от 14 февраля 2017 года по делу «Караханян (Karakhanyan) против Российской Федерации»).

*Руководство Европейского Суда по правам человека «Право на жизнь»
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)*

Европейский Суд понимает, что уровень медицинской помощи, оказываемой в больницах учреждений уголовно-исполнительной системы, не всегда соответствует уровню помощи, доступной в лучших общедоступных больницах. Несмотря на это государство обязано обеспечить адекватную защиту здоровья и благополучия заключенных, в том числе путем оказания им необходимой медицинской помощи. Власти также должны гарантировать, чтобы диагноз и медицинский уход были своевременными, точными и обусловленными характером медицинского состояния и чтобы наблюдение было регулярным и включало комплексную терапию, направленную на лечение заболеваний заключенного или предупреждение их обострения.... При этом Конвенция не должна толковаться как налагающая обязательство общего характера освободить лиц, содержащихся под стражей, по медицинским показаниям (пункт 48 Руководства).

Европейский Суд признавал ошибки в лечении, назначенном лицам, лишенным свободы, например, в следующих случаях, когда:

- власти, несмотря на то, что они были полностью осведомлены о проблеме заключенного, имевшего хронические заболевания, не обеспечили проведение надлежащего обследования и не предоставили ему необходимого лечения, и он был переведен в больницу с задержкой, а сделанная ему операция была некачественной. Заявитель затем был выписан из больницы, хотя врачи знали, что ему необходима срочная операция в связи с послеоперационными осложнениями.... Персонал больницы продолжал лечить его как обычного послеоперационного пациента, а не как пациента, нуждающегося в неотложной помощи ввиду того, что операция была сделана ему слишком поздно. Кроме того, тюремная больница не имела надлежащего оборудования, необходимого при обширных кровопотерях....;

- отсутствовали взаимосвязь и координация между различными государственными органами. Заявитель не был доставлен в больницу для

проведения двух плановых операций, а суду первой инстанции не была предоставлена надлежащая и своевременная информация о состоянии здоровья заявителя, которому не был обеспечен доступ к врачам в течение последних дней его жизни и состояние его здоровья не учитывалось при автоматическом продлении сроков его заключения; отсутствовал медицинский уход за ВИЧ-инфицированным лицом, страдающим от многочисленных серьезных заболеваний, которого отказались перевести в медицинское учреждение и рассмотреть его ходатайство об освобождении после серьезного ухудшения состояния его здоровья, а также его последующее освобождение с опозданием, после чего он скончался от осложнений, связанных с ВИЧ-инфекцией....;

- *лечение заявителя, болевшего туберкулезом и имевшего множественную лекарственную устойчивость, было ненадлежащим, поскольку диагноз и лечение медикаментами второй линии были осуществлены с опозданием, а медицинский персонал не имел необходимого опыта в лечении его заболевания (пункт 50 Руководства).*

Европейский Суд применил аналогичный²⁰ подход в отношении лечения слабозащищенных лиц, находящихся под опекой государства, когда национальные власти, несмотря на то, что они были осведомлены об условиях содержания, которые впоследствии привели к смерти людей, помещенных в дома социального ухода или больницы, тем не менее необоснованно ставили под угрозу жизни этих людей (пункт 51 Руководства).

Практика Комитета ООН по правам человека

Государства-участники несут... повышенное обязательство заботиться о принятии любых необходимых мер для защиты жизни лиц, лишенных свободы государством, поскольку, подвергая лиц аресту, задержанию, заключению или иным образом лишая их свободы, государства-участники берут на себя ответственность за заботу об их жизни и физической неприкосновенности, при этом для уменьшения такой ответственности они не могут ссылаться на отсутствие финансовых ресурсов или другие материально-технические проблемы. Такое же повышенное обязательство по заботе касается лиц, содержащихся в частных пенитенциарных учреждениях, действующих по разрешению государства. Обязанность по защите жизни всех задержанных лиц включает в себя:

- *оказание им необходимой медицинской помощи и соответствующий регулярный контроль за их здоровьем;*

²⁰ См. пункт 50 Руководства.

- защиту от насилия со стороны других заключенных;
- предотвращение самоубийств;
- и предоставление разумных приспособлений инвалидам.

Повышенное обязательство по защите права на жизнь распространяется также на лиц, помещенных в ограничивающие свободу государственные учреждения, такие как

психиатрические лечебницы,
военные лагеря,
лагеря для беженцев и лагеря для внутренне перемещенных лиц,
учреждения для несовершеннолетних

и сиротские дома (пункт 25 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

4.2.10 обеспечение и защита права лица на жизнь в случае членовредительства (самоубийства), в том числе во время нахождения его в местах принудительного содержания

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

В отношении задержанных и помещенных под стражу лиц, которые находятся в зависимом положении..., Суд принял позитивное обязательство о защите индивида, *в том числе от него самого*. Кроме того, даже когда доказательств недостаточно, чтобы Суд мог признать, что [в]ласти знали или должны были знать, что задержанное лицо подвергается риску совершения суицида, сотрудники правоохранительных органов *должны были принять некоторые основные предосторожности, чтобы минимизировать даже потенциальный риск* (пункт 129 постановления от 22 декабря 2015 года по делу «Лыкова против Российской Федерации»).

[А]дминистрация исправительного учреждения должна исполнять свои обязанности способом, который совместим с правами и свободами конкретного заключенного. Существуют общие меры предосторожности, которые позволяют снизить возможность членовредительства без нарушения личной автономии. Необходимость более строгих мер в отношении заключенного зависит от обстоятельств дела (пункт 91 постановления от 14 февраля 2012 года по делу «Шумкова против Российской Федерации»).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

В делах, в которых риск был связан не с уголовно наказуемыми деяниями третьего лица, а с возможностью причинения лишенным свободы лицом вреда самому себе, Европейский Суд признавал: *позитивное обязательство возникало в том случае, когда власти знали или должны были знать о наличии реального и непосредственного риска самоубийства*. Когда Европейский Суд приходил к выводу: власти знали или должны были знать о таком риске, он анализировал, сделали ли они все, что от них можно было разумно ожидать, чтобы предотвратить данный риск... Таким образом, Европейский Суд определяет, *был ли с учетом всех обстоятельств дела риск реальным и непосредственным* (пункт 110 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 31 января 2019 года по делу «Фернандеш де Оливейра (Fernandes de Oliveira) против Португалии»).

Что касается, в частности, *риска самоубийства*, то Европейский Суд ранее принимал во внимание различные факторы, когда лицо было лишено властями свободы (в основном содержалось под стражей) с целью установления – знали ли власти или должны ли были они знать, что жизнь конкретного лица подвергалась реальному и непосредственному риску, *в результате чего у властей возникло обязательство по принятию превентивных мер*. Данные факторы обычно включают:

- i) историю проблем с психическим здоровьем;
- ii) тяжесть психического состояния пациента....;
- iii) предыдущие попытки совершения самоубийства или самотравмирования ...;
- iv) суицидальные мысли или угрозы;
- v) признаки физического или психического истощения (пункт 115 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 31 января 2019 года по делу «Фернандеш де Оливейра (Fernandes de Oliveira) против Португалии»).

Европейский Суд полагает, что пациент психиатрического учреждения является особенно уязвимым лицом, *даже если он проходит лечение добровольно*. В связи с психическим заболеванием пациента его или ее способность принимать обдуманное решение о совершении самоубийства может быть в некоторой степени ограничена. Далее, *любая госпитализация в психиатрическом учреждении, добровольная или принудительная, неизбежно предполагает определенную степень принуждения в результате клинического состояния пациента и его последующего лечения*. В процессе лечения часто необходимо прибегать к иным мерам принуждения. Такое принуждение может принимать различные формы, включая ограничение прав лица на

свободу и на личную жизнь. Принимая во внимание все эти факторы, а также учитывая характер и развитие прецедентной практики,... Европейский Суд полагает, что *на властях лежит общее оперативное обязательство в отношении добровольных пациентов по принятию всех разумных мер для защиты лица от реального и непосредственного риска самоубийства*. То, какие именно меры необходимо принять, зависит от конкретных обстоятельств дела, и данные обстоятельства часто различаются в зависимости от того, госпитализирован ли пациент добровольно или принудительно. Следовательно, обязательство по принятию всех разумных мер для предупреждения причинения лицом вреда само себе действует в отношении *обоих категорий пациентов*. Однако Европейский Суд считает, что *в случае пациентов, госпитализированных на основании судебного решения и, соответственно, принудительно, Европейский Суд при проведении им собственной оценки может применять более строгий подход* (пункт 124 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 31 января 2019 года по делу «Фернандеш де Оливейра (Fernandes de Oliveira) против Португалии»).

*Руководство Европейского Суда по правам человека «Право на жизнь»
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)*

Европейский Суд приходил к выводу, что статья 2 Конвенции может предполагать в конкретных, четко указанных обстоятельствах *позитивное обязательство со стороны властей принять предупредительные оперативные меры по защите лица от него самого* (пункт 21 Руководства).

Существуют меры предосторожности общего характера, которые могут быть задействованы в целях ограничения возможностей совершения членовредительства без нарушения личной свободы и независимости. Необходимость применения более строгих мер в отношении заключенного или обоснованность их применения будет зависеть от обстоятельств конкретного дела (пункт 22 Руководства).

Равным образом относительно лиц, проходящих обязательную военную службу, Суд подчеркивал, что, как и в случае с заключенными, *солдаты срочной службы находятся под исключительным контролем государственных властей, и власти обязаны защищать их* (пункт 23 Руководства).

Лица с психическими расстройствами относятся к категории особо уязвимых лиц, которые требуют защиты от членовредительства (пункт 24 Руководства).

Обязательство по принятию превентивных оперативных мер возникает главным образом в следующих случаях:

- в период содержания под стражей или в тюрьме;
- в период прохождения общеобязательной военной службы;
- при добровольном/принудительном психиатрическом лечении (пункт 27 Руководства).

В деле, где жена заявителя подожгла себя в знак протеста против принудительного выселения, Суд постановил, что, *когда лицо угрожает лишить себя жизни на глазах представителей государства и, кроме того, если такая угроза вызвана эмоциональной реакцией на требования и действия представителей государства*, последние должны крайне серьезно относиться к данной угрозе и расценивать ее как непосредственную опасность для жизни вне зависимости от степени предполагаемой угрозы. В подобных ситуациях, если представители государства заранее уведомлены о такой угрозе, вступает в силу позитивное обязательство согласно статье 2 Конвенции, которое *обязывает их предотвратить угрозу любым способом, который является разумным и возможным при имевшихся обстоятельствах* (пункт 28 Руководства).

Практика Комитета ООН по правам человека

Признавая важнейшее значение личной самостоятельности для человеческого достоинства, государства должны принимать надлежащие меры, не нарушая других своих обязательств по Пакту, для предотвращения самоубийств, особенно среди лиц, находящихся в особо уязвимом положении, включая лиц, лишенных свободы. *Государства-участники, которые разрешают медицинским работникам оказывать медицинскую помощь или использовать медицинские средства для облегчения прекращения жизни страдающих взрослых, таких как смертельно больные люди, испытывающие сильную физическую или психическую боль и страдания и желающие умереть с достоинством, должны обеспечивать наличие надежных правовых и институциональных гарантий, позволяющих удостовериться в том, что медицинские работники выполняют свободно принятое, осознанное, четкое и недвусмысленное решение своих пациентов, с тем чтобы защитить больных от давления и злоупотреблений* (пункт 9 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

4.2.11 выполнение государством позитивных обязательств в сфере поддержания правопорядка (проведение правоохранительными органами специальных операций, применение указанными органами летальной силы)

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении Российской Федерации*

При оценке планирования и контроля милицейской операции с точки зрения статьи 2 Конвенции Европейский Суд должен уделить особое внимание контексту, в котором произошло происшествие, а также ходу развития ситуации. Его единственной задачей должна являться оценка того, свидетельствовали ли планирование и контроль операции по задержанию при данных обстоятельствах о том, что власти надлежащим образом позаботились о минимизации любого риска для жизни... и не проявляли небрежность при выборе... Принимая во внимание сложности полицейской охраны общественного порядка в современных обществах, непредсказуемость человеческого поведения и оперативные решения, которые должны приниматься с учетом приоритетов и ресурсов, обязательство по статье 2 Конвенции должно толковаться способом, не возлагающим чрезмерное бремя на власти (пункт 104 постановления от 17 декабря 2009 года по делу «Голубева против Российской Федерации»).

Европейский Суд призван решить, выполнило ли государство в целом свои международные обязательства по Конвенции, а именно – свое обязательство «принять все возможные меры предосторожности при выборе средств и методов проведения секретной операции, направленной против противодействующей группы, с целью избежать и, в любом случае, минимизировать случайные потери среди гражданского населения» (пункт 265 постановления от 20 декабря 2011 года по делу «Финогенов и другие против Российской Федерации»).

Любое использование силы должно быть не более чем «абсолютно необходимым» для достижения одной или нескольких целей, изложенных в подпунктах «а»–«с». Такая формулировка свидетельствует, что проверка необходимости должна быть более строгой и нуждается в более убедительных доводах, чем при обычной проверке, применяемой при оценке того, являются ли действия государства «необходимыми в демократическом обществе» в соответствии с пунктами 2 статей 8–11 Конвенции. Соответственно, применение силы должно быть строго соразмерным достижению допустимых целей (пункт 79 постановления от 17 декабря 2009 года по делу «Голубева против Российской Федерации»).

Суд постоянно указывал, что в принципе... *необходимость [применения летального оружия] не может существовать, когда известно, что лицо, подлежащее задержанию, не представляет угрозы для жизни или здоровья и не подозревается в совершении насильственного правонарушения, даже если неприменение огнестрельного оружия может привести к утрате возможности задержания преступника* (пункт 49 постановления от 21 апреля 2015 года по делу «Писари против Молдовы и Российской Федерации»).

Суд напоминает, что государства должны устанавливать высокие стандарты профессионализма в своих правоохранных системах и обеспечивать, чтобы лица, служащие в этих системах, отвечали обязательным критериям; в частности, при выдаче органам полиции огнестрельного оружия необходимо не только проводить обязательное техническое обучение, но и проводить особо тщательный отбор сотрудников, которым будет позволено носить с собой это огнестрельное оружие (пункт 103 постановления от 1 декабря 2016 года по делу «Герасименко против Российской Федерации»).

С учетом значения статьи 2 Конвенции в демократическом обществе Европейский Суд в своей оценке обязан подвергать лишение жизни наиболее тщательной проверке, особенно, когда летальная сила применяется умышленно, принимая во внимание не только действия государственных представителей, но и все сопутствующие обстоятельства, включая такие вопросы, как планирование и контроль рассматриваемых действий. Таким образом, при определении того, соответствовало ли применение силы статье 2 Конвенции, может иметь значение вопрос о том, *была ли правоохранный операция спланирована, и контролировалась ли она так, чтобы свести к минимуму, насколько это возможно, применение летальной силы или случайное лишение жизни* (пункт 80 постановления от 17 декабря 2009 года по делу «Голубева против Российской Федерации»).

Когда смертоносная сила используется в рамках проводимой органами власти «полицейской операции», *трудно отделить негативные обязательства государства, предусмотренные Конвенцией, от его позитивных обязательств* (пункт 208 постановления от 20 декабря 2011 года по делу «Финогенов и другие против Российской Федерации»).

Европейский Суд может иногда отходить от строгого стандарта «абсолютной необходимости». Как показывают.... дела *Османа, Макарациса, Майорано* и других, его применение может быть просто невозможно в тех случаях, когда некоторые аспекты ситуации выходят далеко за пределы компетенции Европейского Суда, и когда органы власти должны были

действовать в чрезвычайно ограниченных временных рамках, и их контроль над ситуацией был минимален (пункт 211 постановления от 20 декабря 2011 года по делу «*Финогенов и другие против Российской Федерации*»).

[П]рименение силы лицами, находящимися на службе государства, может быть оправдано, *когда оно основывается на искреннем убеждении, которое может обоснованно считаться верным в момент совершения действия*, но впоследствии оказывается ошибочным (пункт 219 постановления от 20 декабря 2011 года по делу «*Финогенов и другие против Российской Федерации*»).

[М]ассированное применение оружия неизбирательного действия... не может считаться соответствующим *норме о предварительной заботе о гражданском населении*, являющейся обязательным условием операций такого рода с применением представителями государства смертоносной силы (пункт 231 постановления от 20 декабря 2011 года по делу «*Финогенов и другие против Российской Федерации*»).

[У]станавливая обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, статья 2 Конвенции предусматривает первичную обязанность государства обеспечить право на жизнь путем создания соответствующей правовой и административной основ, определяющих *ограниченные обстоятельства, в которых должностные лица могут применять силу и огнестрельное оружие*, с учетом относимых международных стандартов... В соответствии с вышеупомянутым принципом строгой соразмерности, воплощенным в статье 2 Конвенции..., *национальная правовая основа, регулирующая операции по задержанию, должна ставить применение огнестрельного оружия в зависимость от тщательной оценки сопутствующих обстоятельств* и, в частности, от оценки характера преступления, совершенного беглецом, и опасности, которую он или она представляют (пункт 46 постановления от 10 мая 2012 года по делу «*Путинцева против Российской Федерации*»).

[Н]ациональное законодательство должно обеспечивать систему адекватных и эффективных гарантий против произвола и злоупотребления силой и даже против несчастных случаев, которых можно избежать... В частности, *должностные лица должны быть обучены принимать решение о том, имеется ли абсолютная необходимость применять огнестрельное оружие, не только на основе буквы относимых правил, но и с надлежащим учетом приоритетности уважения человеческой жизни как фундаментальной ценности* (пункт 47 постановления от 10 мая 2012 года по делу «*Путинцева против Российской Федерации*»).

Как показывает сам по себе текст статьи 2 Конвенции, применение силы со смертельным исходом сотрудниками правоохранительных органов может быть оправдано при определенных обстоятельствах. Тем не менее статья 2 Конвенции не предоставляет им полную свободу действий. *Нерегламентированные и самоуправные действия со стороны представителей государства несовместимы с фактическим соблюдением прав человека.* Это означает, что, полицейские операции должны быть не только санкционированными в соответствии с национальным законодательством, но и в достаточной степени регламентированными им, в рамках системы адекватных и эффективных гарантий против произвола и злоупотребления силой... и даже против несчастных случаев, которых можно избежать (пункт 207 постановления от 20 декабря 2011 года по делу «*Финогенов и другие против Российской Федерации*»).

[М]илиционеры не должны находиться в неведении при выполнении своих функций, будь то в контексте подготовленной операции или в ходе спонтанного преследования предполагаемого опасного лица: правовые и административные рамки должны определять предельные условия, в которых сотрудники правоохранительных органов могут применять силу и огнестрельное оружие с учетом международных стандартов, разработанных в этой области (пункт 111 постановления от 26 мая 2020 года по делу «*Рамазанова и Алексеева против Российской Федерации*»).

Согласно практике Суда, лишь в исключительных случаях физически жестокое обращение со стороны государственных служащих, не приводящее к смерти, может свидетельствовать о нарушении статьи 2 Конвенции. Несмотря на то, что уголовная ответственность соответствующих лиц, применивших обжалованную силу, не является предметом настоящего разбирательства, инициированного на основании Конвенции, *степень и характер примененной силы, равно как и умысел и цель ее применения, в числе прочих факторов могут иметь значение при оценке того, укладываются ли в конкретном деле действия государственных служащих, причинивших телесные повреждения, но не смерть, в рамки гарантий, закрепленных в статье 2 Конвенции, с учетом объекта и цели применения данной статьи* (пункт 87 постановления от 1 декабря 2016 года по делу «*Герасименко против Российской Федерации*»).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

[П]олицейские операции должны регулироваться национальным законодательством в достаточной мере, в рамках системы эффективных и адекватных гарантий против произвола и злоупотребления силой.

Соответственно, Европейский Суд должен был принять во внимание не только действия представителей государства, которые реально применяли силу, но также и все сопутствующие обстоятельства, в том числе такие вещи, как планирование находящихся на рассмотрении действий и контроль за ними. *Полицейские не должны пребывать в вакууме при выполнении своих обязанностей: правовые и административные инструменты должны определять ограниченный перечень обстоятельств, при которых сотрудники правоохранительных органов вправе применять силу и огнестрельное оружие, учитывая при этом соответствующие международные стандарты (пункт 249 постановления Большой Палаты от 24 марта 2011 года по делу «Джулиани и Гаджио (Giuliani and Gaggio) против Италии»)*²¹.

[Н]аличие «достаточных оснований» [применения летальной силы] должно определяться субъективно. В ряде дел Европейский Суд прямо отмечал, что, так как он оторван от событий, о которых идет речь, то он не может подменять своим собственным мнением оценку ситуации сотрудника полиции, который обязан был реагировать на обстановку в экстренной ситуации, чтобы предотвратить искренне воспринимаемую опасность для его жизни или жизни других людей. Скорее, *Европейский Суд должен рассматривать события с точки зрения лица (лиц), действовавшего (действовавших) в состоянии необходимой обороны в момент тех событий...* Следовательно, в делах, затрагивающих статью 2 Конвенции, в которых Европейский Суд специально рассматривал вопрос о том, достаточно ли основывалось убеждение на имевшихся доводах как действительное на тот момент, он не занял позицию стороннего наблюдателя, вместо этого *он попытался поставить себя в положение человека, применившего летальную силу, как при определении того, был ли человек искренне убежден в своем поведении, так и при оценке необходимости степени примененной силы (пункт 245 постановления Большой Палаты от 30 марта 2016 года по делу «Армани да Сильва (Armani Da Silva) против Соединенного Королевства»)*²².

[П]рименяя данный критерий, Европейский Суд не относится к разумности как к самостоятельному требованию, а как к важному фактору при определении того, было ли убеждение честным и придерживались ли ее искренне. В [п]остановлении по делу «Маккэн и другие против Соединенного Королевства» Европейский Суд выявил опасность возложения нереального бремени на сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих обязанностей. Исходя из этого он не установил нарушения статьи 2

²¹ Прецеденты Большой Палаты Европейского Суда № 2(34)/2020. Под ред. Ю.Ю. Берестнева, пер. с англ.яз. ООО «Развитие правовых систем».

²² Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 3/2017. Под ред. Ю.Ю. Берестнева, пер. с англ.яз. ООО «Развитие правовых систем».

Конвенции, поскольку солдаты «были искренне убеждены с учетом предоставленной им информации,...что им надо было стрелять в подозреваемых с целью не дать им взорвать бомбу и причинить серьезные потери»... Аналогичный подход, т.е. *ориентация в первую очередь на искренность убежденности*, можно увидеть во многих других делах (пункт 246 постановления Большой Палаты от 30 марта 2016 года по делу «*Армани да Сильва (Armani Da Silva) против Соединенного Королевства*»).

Европейский Суд вообще никогда не устанавливал, что лицо, намеревающееся действовать в состоянии необходимой обороны, честно верило, что применение силы было необходимо, но устанавливал нарушение статьи 2 Конвенции на том основании, что по достаточным основаниям *вера не воспринималась как обоснованная*. Скорее всего, в делах о предположительной необходимой обороне Европейский Суд устанавливал нарушение статьи 2 Конвенции только в тех случаях, когда он отказывался признать, что вера была честной..., или в тех случаях, когда степень примененной силы была совершенно несоразмерна (пункт 247 постановления Большой Палаты от 30 марта 2016 года по делу «*Армани да Сильва (Armani Da Silva) против Соединенного Королевства*»).

[И]з прецедентной практики Европейского Суда можно усмотреть, что при применении критерия, установленного по делу «*Маккэн и другие против Соединенного Королевства*», главный вопрос, который необходимо было разрешить, *придержался ли человек честного и искреннего убеждения в том, что применение силы было необходимо*. При решении данного вопроса Европейский Суд должен учесть, было ли убеждение субъективно разумным, со всесторонним учетом обстоятельств, существовавших в соответствующий период времени. Если убеждение не было субъективно разумным (то есть оно не было основано на субъективных достаточных основаниях), вполне вероятно, что Европейскому Суду будет трудно согласиться с тем, что оно было честным и ему искренне следовало (пункт 248 постановления Большой Палаты от 30 марта 2016 года по делу «*Армани да Сильва (Armani Da Silva) против Соединенного Королевства*»).

«[А]бсолютная необходимость» для целей Конвенции требует, чтобы в случае, когда доступны различные средства, ведущие к достижению одной цели, было выбрано средство, *которое влечет наименьшую опасность для жизни третьих лиц* (пункт 214 постановления Большой Палаты от 24 марта 2011 года по делу «*Джулиани и Гаджио (Giuliani and Gaggio) против Италии*»).

[С]отрудники правоохранительных органов должны быть подготовлены, чтобы уметь оценивать, *имеется ли абсолютная*

необходимость применять огнестрельное оружие, не только на основании письма с соответствующими инструкциями, но и с учетом приоритета уважения человеческой жизни как фундаментальной ценности (пункт 250 постановления Большой Палаты от 24 марта 2011 года по делу «Джулиани и Гаджио (Giuliani and Gaggio) против Италии»).

Конвенция, как ее толкует Европейский Суд, не содержит оснований для вывода о том, что сотрудники правоохранительных органов не должны иметь в своем распоряжении оружия, которое может причинить смерть, при отражении нападений на этих сотрудников (пункт 216 постановления Большой Палаты от 24 марта 2011 года по делу «Джулиани и Гаджио (Giuliani and Gaggio) против Италии»).

*Руководство Европейского Суда по правам человека «Право на жизнь»
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)*

Европейский Суд, проводя различие между «стандартными полицейскими операциями» и масштабными антитеррористическими операциями, приходил к выводу, что в последнем случае и часто в ситуациях острого кризиса, требующего индивидуальных ответных действий, государству следует полагаться на решения, которые будут целесообразными в соответствующих обстоятельствах. Исходя из этого Европейский Суд также подчеркивал – в ходе проведения законной операции по обеспечению безопасности, направленной в первую очередь на защиту жизни людей, которые оказались в опасности из-за угрозы неправомерного насилия со стороны третьих лиц, применение силы со смертельным исходом по-прежнему регулируется строгими правилами «абсолютной необходимости» в значении статьи 2 Конвенции. Таким образом, первостепенное значение имеет то, чтобы внутренние положения регулировались тем же принципом и содержали явные указания на это, включая обязательства по уменьшению риска нанесения чрезмерного вреда и исключения использования вооружения, которое приводит к нежелательным последствиям (пункт 81 Руководства).

[В] делах, касающихся применения силы для подавления мятежа или бунта, оценка Суда включает анализ того, имели ли силы безопасности надлежащее оружие..., прошли ли они эффективную подготовку по соблюдению международных стандартов в области прав человека и по поддержанию порядка, и получили ли они четкие инструкции относительно способа и ситуаций, в которых они должны применять огнестрельное оружие..... В частности, Суд подчеркнул следующее: перед тем, как открыть огонь, необходимо, насколько это возможно, произвести предупреждающие выстрелы (пункт 83 Руководства).

[О]жидается, что государства должны установить высокие профессиональные стандарты в рамках их правоохранительных систем и обеспечить соблюдение необходимых критериев сотрудниками правоохранительных органов. В частности, при вооружении полиции огнестрельным оружием *должна быть не только проведена необходимая техническая подготовка, но и с особой тщательностью должны отбираться сотрудники, которым будет дано разрешение на использование этого оружия* (пункт 84 Руководства).

Европейский Суд подчеркивал: он ясно осознает те трудности, с которыми сегодня сталкиваются страны в борьбе с терроризмом, а также опасность ретроспективного анализа. Европейский Суд указывал, что должен отличать политический выбор, сделанный в ходе борьбы с терроризмом, который по своей природе остается вне такого надзора, от других, более оперативных аспектов действий властей, которые имеют непосредственное значение для защищаемых прав. Тест абсолютной необходимости, сформулированный в статье 2 Конвенции, должен применяться с различными степенями контроля в зависимости от того, в какой мере власти контролировали ситуацию, и других относимых ограничений, присущих оперативному принятию решений в этой чувствительной сфере (пункт 91 Руководства).

В специфическом контексте операций по спасению заложников Суд признал, что планирование и проведение операций по спасению, как правило, должны осуществляться при повышенном уровне безопасности. При этом Европейский Суд принимает во внимание следующие факторы:

- (i) была ли операция спонтанной или власти могли обдумать ситуацию и провести определенные приготовления;
- (ii) могли ли власти руководствоваться определенным общим подготовленным планом действий в чрезвычайной ситуации, не связанным с данным конкретным кризисом;
- (iii) была ли выше степень контроля над ситуацией снаружи здания, где разворачивались основные действия по спасению;
- (iv) чем более предсказуемой является опасность, тем больше обязательство защищать от нее (пункт 92 Руководства).

[Д]олжен быть установлен баланс между преследуемой целью и средствами для ее достижения (пункт 94 Руководства).

Суд... добавил, что в отрыве от рассматриваемых событий он не может подменять свою собственную оценку ситуации оценкой полицейского, вынужденного реагировать в критический момент *с целью предотвращения опасности, грозящей по его убеждению, его собственной жизни и жизни*

других людей (пункт 97 Руководства).

При оценке планирования и контроля за операцией с точки зрения статьи 2 Конвенции *Суд уделяет особое внимание контексту события, а также возможному сценарию развитию ситуации* (пункт 100 Руководства).

[Д]аже в обстоятельствах, когда Суд не может установить вне всякого разумного сомнения, что в убийстве замешан представитель государства, он может тем не менее признать ответственность государства-ответчика, если сочтет, что *власти не приняли необходимых мер по защите права на жизнь соответствующего заявителя* (пункт 108 Руководства).

Суд... подчеркивал, что статья 2 Конвенции должна, насколько это возможно, толковаться с учетом общих принципов международного права, в том числе норм международного гуманитарного права, которые играют неопределимую и общепризнанную роль в смягчении жестокости и бесчеловечности вооруженных конфликтов. В зоне международного конфликта Договаривающиеся Государства обязаны защищать жизнь тех, кто не принимает или более не принимает участия в боевых действиях. Это также включает положение об оказании медицинской помощи раненым, если военнослужащие погибли или скончались от ран, необходимость в ответственности требует надлежащей передачи останков, и власти обязаны собрать и предоставить информацию о личностях и судьбе погибших, или позволить это сделать таким организациям, как Международный комитет Красного Креста... Вместе с тем Суд указал, что предусмотренные Конвенцией гарантии продолжают применяться даже в условиях международного вооруженного конфликта, однако они толкуются с учетом положений международного гуманитарного права (пункт 111 Руководства).

Государство – участник Конвенции будет нести ответственность согласно Конвенции за нарушения прав человека, вызванные действиями представителей государства при выполнении ими своих обязанностей... Вопрос о том, *является ли то или иное лицо представителем государства для целей Конвенции*, подлежит рассмотрению с учетом множества критериев, один из которых носит функциональный характер Суд уже приходил к выводу: если поведение представителя государства является незаконным, то вопрос о том, могут ли оспариваемые действия быть приписаны государству, требует оценки обстоятельств в целом, а также рассмотрения характера и обстоятельств соответствующего поведения (пункт 121 Руководства).

[В]ласти в принципе не несут прямую ответственность за убийство или телесные повреждения, причиненные представителями государства *в их личном качестве*, за исключением случаев, когда эти представители

пользуются своим служебным положением при совершении неправомерного действия при попустительстве или молчаливом согласии со стороны властей, независимо от того, находился ли в момент рассматриваемых событий соответствующий представитель при исполнении своих служебных обязанностей или нет (пункт 122 Руководства).

Однако в таких случаях сохраняется обязанность государства принять надлежащие меры по охране жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией (пункт 123 Руководства).

Практика Комитета ООН по правам человека

Предполагается, что государства-участники должны принять все необходимые меры для предотвращения произвольного лишения жизни со стороны сотрудников их правоохранительных органов, включая военнослужащих, которым поручается выполнение задач по поддержанию правопорядка. Эти меры включают

принятие соответствующего законодательства по контролю за применением смертоносной силы сотрудниками правоохранительных органов, процедур, направленных на обеспечение надлежащего планирования действий правоохранительных органов в соответствии с необходимостью минимизации рисков для жизни людей,

обязательное информирование, рассмотрение и расследование в связи с инцидентами со смертельным исходом и другими угрожающими жизни инцидентами,

а также предоставление силам, ответственным за борьбу с массовыми беспорядками, эффективных, менее опасных средств и надлежащих средств защиты, с тем чтобы устранить необходимость применения ими смертоносной силы.... В частности, все операции сотрудников правоохранительных органов следует проводить с соблюдением соответствующих международных стандартов, включая Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка²³ и Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка²⁴, и сотрудники правоохранительных органов должны проходить надлежащую подготовку, направленную на внедрение этих стандартов, с тем чтобы при любых обстоятельствах обеспечить соблюдение права на жизнь в самом полном объеме (пункт 13 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь».

²³ Режим доступа:

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml.

²⁴ Режим доступа:

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/firearms.shtml.

Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Государствам-участникам следует обеспечивать, чтобы менее смертоносное оружие, несмотря на свою предпочтительность перед более смертоносным оружием, подлежало строгим независимым испытаниям, оценке и мониторингу воздействия на право на жизнь, включая такие его виды, как

устройства, вызывающие электромускульный шок (тазеры),

резиновые или пенные пули

и другие боеприпасы с ослабленной энергией поражения, которые предназначены для применения или фактически применяются сотрудниками правоохранительных органов, включая военнослужащих, выполняющих задачи по поддержанию правопорядка. Применение такого оружия должно ограничиваться сотрудниками правоохранительных органов, которые прошли соответствующую подготовку, и должно строго регулироваться в соответствии с применимыми международными стандартами, включая Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка. Помимо этого, менее смертоносное оружие должно использоваться только при соблюдении строгих требований в отношении необходимости и пропорциональности в ситуациях, в которых другие, менее опасные меры оказались или явно являются неэффективными в плане устранения угрозы. Государства-участники не должны прибегать к применению менее смертоносных видов оружия в ситуациях борьбы с массовыми беспорядками, которые можно урегулировать с помощью менее опасных средств, особенно в ситуациях, связанных с осуществлением права на мирные собрания (пункт 14 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

При любых обстоятельствах масштабы применения силы, которые могут на законных основаниях использоваться при проведении ареста, в значительной степени зависят от вида преступления, но общее правило заключается в том, что масштабы применяемой силы не могут превышать масштабы сопротивления (пункт 91 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

Требование в отношении соразмерности устанавливает максимальный уровень применения силы, основанный на угрозе, создаваемой лицом, против которого оно направлено. Это субъективная оценка соотношения вреда и пользы, требующая, чтобы возможный вред в результате применения силы был пропорционален предполагаемой пользе и оправдан по отношению к ней (пункт 58 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66).

*Следует отметить, что
принцип законности,
принцип необходимости,
принцип пропорциональности,*

принцип предосторожности регулируют применение силы не только в ситуациях, не связанных с лишением свободы, но и в случаях, когда волнения, беспорядки или другие инциденты, сопровождающиеся насилием, происходят в местах лишения свободы. В определенных обстоятельствах они могут быть использованы для того, чтобы определить допустимость проведения инвазивных медицинских процедур и процедур по обеспечению безопасности, например получения образцов физиологического характера или проведения обыска с раздеванием. При взаимодействии с лицами, находящимися под стражей или в заключении, сотрудники правоохранительных органов не могут применять силу, за исключением случаев, когда это строго необходимо для поддержания безопасности и порядка в исправительном учреждении или когда создается угроза для личной безопасности, а также не могут применять огнестрельное оружие, за исключением случаев самообороны или защиты других от непосредственной угрозы смерти или серьезного ранения, или когда это строго необходимо для предотвращения побега заключенного, способного нанести серьезное ранение или представляющего собой смертельную угрозу (пункт 16 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

В случае использования передовой технологии сотрудники правоохранительных органов должны всегда лично контролировать фактическую степень применяемой силы (пункт 56 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных

казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66).

Помимо запрета на произвольное лишение жизни и установления ряда принципов законного применения смертоносной силы, международные договоры о правах человека не содержат положений, прямо регулирующих применение силы, не связанное с лишением свободы. *В основе современных правовых принципов, регулирующих применение силы сотрудниками правоохранительных органов («принципы применения силы»), лежат в первую очередь государственная практика и применение и толкование крайне общих положений этих договоров в рамках прецедентно[й практики]... Эти принципы были еще раз сформулированы в таких документах «мягкого права», как Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка²⁵ и Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка²⁶, и сегодня они могут рассматриваться в качестве общих правовых принципов. В частности, применение силы государственными должностными лицами регулируется следующими совокупными принципами:*

- *законность*: любое применение силы должно иметь правовую основу и преследовать законную цель;
- *необходимость*: применение силы допускается лишь для достижения законной цели и строго в той мере, в которой это необходимо;
- *пропорциональность*: ущерб, который может быть нанесен в результате применения силы, не должен быть чрезмерным в сравнении с пользой от достижения законной цели;
- *предосторожность*: планирование, подготовка и проведение операций по поддержанию правопорядка должны осуществляться таким образом, чтобы минимизировать необходимость применения силы настолько, насколько это возможно, а в случаях, когда оно неизбежно, минимизировать последующий ущерб (пункт 5 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

²⁵ Режим доступа:

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/firearms.shtml.

²⁶ Режим доступа:

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml.

Применение силы государственными должностными лицами является законным только в случае соблюдения всех вышеперечисленных принципов (пункт 6 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Принцип законности

Согласно принципу законности, любое применение силы государственными должностными лицами должно преследовать законную цель, основываться на нормах национального права и регулироваться такими нормами. К законным целям, как правило, относятся:

- производство ареста или предотвращение побега лица, подозреваемого в совершении преступления;*
- самооборона или защита других лиц от незаконной угрозы смерти или серьезного ранения;*
- разгон собраний насильственного характера.*

Еще одной характеристикой законности является равенство всех людей перед законом в соответствии с принципом недискриминации... Национальные законодательства государств должны содержать положения, предоставляющие четкие полномочия на применение силы, и регламентировать данный вопрос в соответствии с обязательствами государств в рамках международного права (пункт 7 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Принцип необходимости

Согласно принципу необходимости, любое применение силы государственными должностными лицами должно осуществляться при помощи наносящих наименьший вред средств, которые в соответствии с разумными ожиданиями позволят добиться поставленной цели. Таким образом, сотрудники правоохранительных органов должны при любой возможности использовать ненасильственные средства и применять силу только в строго необходимой степени, когда это требуется для достижения законной цели (пункт 8 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы,

и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Принцип необходимости имеет качественный, количественный и временной аспекты.

В качественном выражении любое применение силы должно быть «неизбежным», т.е. ненасильственные и иные наносящие наименьший вред средства являются неэффективными или не дают каких-либо надежд на достижение намеченного результата.

Если говорить о количественном аспекте, то в ситуациях, когда применение силы является неизбежным, степень и характер применения силы должны быть такими, чтобы повлечь за собой лишь строго необходимый ущерб.

И наконец, временной аспект данного принципа заключается в том, что применение силы носит незаконный характер в тех случаях, когда в момент использования этой меры она еще или уже не является неизбежной для достижения необходимой законной цели.

Следовательно, любые меры по поддержанию правопорядка, предусматривающие применение силы, подлежат постоянной переоценке на предмет их необходимости для достижения желаемой цели. Если обстоятельства складываются таким образом, что для достижения указанной цели оказывается достаточно средств, наносящих меньший вред, то применение силы не допускается (пункт 9 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Принцип пропорциональности

Если принцип необходимости требует проведения фактической оценки наносящих наименьший вред средств, которые, как ожидается, могут быть использованы для достижения желаемой цели, то в рамках принципа пропорциональности необходимо вынесение дополнительного и отдельного субъективного суждения относительно того, может ли ущерб, возникающий в результате применения силы, быть оправдан в свете той пользы, которую принесет достижение желаемой цели. Даже если применение силы является необходимым для достижения такой цели, оно допускается лишь в том случае, когда сопутствующий ущерб соразмерен серьезности правонарушения и значимости указанной цели. Таким образом, безотносительно соображений необходимости, в требовании о пропорциональности устанавливается

абсолютный верхний предел для применения силы, допустимого в интересах достижения определенной законной цели... «Ущерб», определяемый в рамках оценки пропорциональности, не обязательно должен носить физический характер и может также включать в себя моральный ущерб и чувства унижения и душевного расстройства (пункт 10 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Оценка пропорциональности всегда производится с учетом обстоятельств каждого дела. Как правило, потенциально смертоносная сила используется лишь в случаях строгой необходимости, как то:

а) для защиты любого человека от неминуемой угрозы смерти или серьезного ранения;

б) для предотвращения особо тяжкого преступления, представляющего собой серьезную угрозу для жизни человека или людей;

с) для ареста лица, представляющего такого рода угрозу, или предотвращения его побега. Умышленно смертоносная сила может применяться лишь в случаях, когда это абсолютно неизбежно, в целях спасения жизни от незаконного нападения. Так, например, даже необходимость производства законного ареста не может являться оправданием для использования огнестрельного оружия с целью остановить вора или карманника, действия которых не представляют какой-либо угрозы для жизни и здоровья людей. В таких случаях, в соответствии с принципом пропорциональности, побег подозреваемого является более предпочтительным риском, нежели его гибель или серьезное ранение.

К другим факторам, которые могут представлять интерес при оценке пропорциональной степени применения силы, относятся:

- поведение;
- возраст;
- пол;

• состояние здоровья человека (пункт 11 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Принцип предосторожности

Даже если применение силы является необходимым и соразмерным в непосредственных обстоятельствах того или иного дела, оно все равно может быть признано незаконным, если стало следствием неспособности спланировать, организовать и проконтролировать проведение операции таким образом, чтобы минимизировать ущерб, обеспечить уважение и защиту человеческой жизни и избежать любого чрезмерного применения силы (пункт 12 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

В частности, государства должны обеспечивать всестороннюю подготовку своих сотрудников правоохранительных сил в целях недопущения ситуаций, когда применение силы становится неизбежным, обучая их различным методам действий и снабжая различными видами оружия и боеприпасов, позволяющими дифференцированно применять силу, включая не приводящие к смерти, но нейтрализующие виды оружия и такие средства самозащиты, как щиты, каски, бронежилеты и пуленепробиваемые транспортные средства. Помимо этого, сотрудники правоохранительных органов должны производить постоянную переоценку ситуации для того, чтобы избежать ненужного или чрезмерного применения силы. В ситуации, когда применение силы становится неизбежным, сотрудники правоохранительных органов должны обеспечить предоставление медицинской и иной помощи всем раненым и пострадавшим лицам в кратчайшие сроки (пункт 13 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

На практике стандарт принятия мер предосторожности не требует выполнения неосуществимых задач, а всегда предусматривает принятие мер, которые являются разумно возможными в сложившихся обстоятельствах (пункт 14 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Применение силы, не связанное с лишением свободы, как жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание

[Л]любое применение силы государственными должностными лицами, которое является превышением действий, обоснованных и соразмерных в указанных обстоятельствах и необходимых для достижения законной цели, расценивается как покушение на человеческое достоинство, равносильное жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию, независимо от того, носило ли это превышение умышленный или непреднамеренный характер. Четкая классификация соответствующего ненадлежащего обращения как жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство или совокупности этих характеристик зависит от конкретных особенностей и обстоятельств дела, но не отменяет при этом факта незаконности таких действий. Кроме того, непринятие всех возможных мер предосторожности при планировании, подготовке и проведении операции правоохранительных органов повышает риск необоснованного и несоразмерного применения силы и в принципе является нарушением обязанности государства предотвращать жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание (пункт 46 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Применение силы, не связанное с лишением свободы, как жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание или пытка при отягчающих обстоятельствах

Эта юридическая формула кардинальным образом изменяется в тех случаях, когда *речь заходит об умышленном и целенаправленном причинении боли и страданий беспомощному человеку. Умышленность и целенаправленность означают* намеренную инструментализацию боли и страданий, причиняемых беспомощному человеку для достижения конкретной цели (например, такой, как принуждение, запугивание, наказание, дискриминация или потакание садистическим наклонностям преступника), в отличие от причинения боли и страданий как неизбежного побочного эффекта действий, преследующих иную цель (например, медицинское вмешательство, производство ареста, отражение нападения). *Беспомощность означает*, что жертва находится под непосредственным физическим или равнозначным контролем преступника и утратила способность противостоять причиняемым боли и страданиям или избегать их. В подобных обстоятельствах не может

быть никаких оправданий умышленному и целенаправленному причинению боли и страданий, независимо от того, квалифицируется ли оно, согласно определению, содержащемуся в применимом договоре, как пытка или иной вид жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. По мнению Специального докладчика, *намеренная инструментализация боли и страданий в сочетании с беспомощностью жертвы воплощают в себе саму суть пыток и того существеннейшего покушения на человеческое достоинство, которым они являются*. Таким образом, независимо от любых дополнительных элементов, которые могут быть необходимы для формальной характеристики пыток в рамках определения, содержащегося в применимом договоре, *любое применение силы, не связанное с лишением свободы и предусматривающее умышленное и целенаправленное причинение боли и страданий беспомощному человеку ради достижения конкретной цели, неизбежно будет квалифицироваться как форма жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания при отягчающих обстоятельствах*, независимо от соображений законности цели, необходимости или пропорциональности и безотносительно характеристики пыток согласно определению, содержащемуся в применимом договоре (пункт 47 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Применение запрета в отношении оружия и других средств и методов

Несмотря на то, что вопрос законности некоторых видов оружия и других средств военных действий давно регулируется международным гуманитарным правом, в последнее время он стал также предметом рассмотрения в рамках стандартов в области прав человека в более широком контексте деятельности правоохранительных органов. Все шире признается тот факт, что *некоторые виды оружия и другие средства обеспечения порядка могут быть заведомо жестокими, бесчеловечными или унижающими достоинство по своим природе и замыслу, и, соответственно, их применение, производство и торговля ими не совместимы с запретом на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания* (пункт 48 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Учитывая, что любое оружие может быть использовано незаконным образом и что законность его использования зависит от соблюдения вышеперечисленных принципов применения силы, следует различать *виды оружия, которые необходимо рассматривать как заведомо жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство, и виды оружия, которые таят в себе повышенный риск применения в целях пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство виды обращения и наказания* (пункт 49 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

*Заведомо жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство
виды оружия*

По мнению Специального докладчика, оружие следует считать заведомо жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство в том случае, если оно по своему замыслу или характеру (т.е. если других способов его практического применения не существует) предназначено для:

a) необоснованного, чрезмерного или иного незаконного применения силы в отношении других лиц;

b) причинения боли и страданий беспомощным людям. Если говорить о местах, не связанных с лишением свободы и регулируемых в соответствии с правилами охраны общественного порядка, то в качестве примера заведомо жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов оружия можно привести следующие:

a) шипованные дубинки или щиты и другие виды оружия или боеприпасов, по своему замыслу или характеру предназначенные для нанесения более серьезных ранений и причинения дополнительных страданий без необходимости;

b) пояса с электрошоком и любые другие виды нательных устройств, способных наносить удары электрическим током и управляемых дистанционно, поскольку они являются источником не только физической боли, но и постоянного чувства чрезвычайной тревоги и унижения, а также приводят к полному подчинению жертвы независимо от физического расстояния;

c) некоторые виды устройств, причиняющие необоснованную боль, ущерб или унижение и предназначенные для сдерживания людей в процессе ареста, такие как наручники для пальцев и тиски для пальцев (пункт 51 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания.

Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

Виды оружия, сопряженные с высоким риском пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания

По мнению Специального докладчика, [некоторые виды оружия, которые не являются заведомо жестокими, бесчеловечными или унижающими достоинство, тем не менее таят в себе значительный риск нарушения запрета на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания] включает ряд видов огнестрельного оружия и боеприпасов, таких как полностью автоматическое оружие и крупнокалиберные и отличающиеся высокой мощностью пули дум-дум, *так как их применение сопряжено со значительным риском нанесения необоснованного или чрезмерного ущерба*. К такому оружию также относится ряд видов оружия несмертельного действия, включая

некоторые виды снарядов кинетического действия,
электрошоковое оружие,
химические раздражители,
водяные пушки

и средства дезориентации (пункт 53 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).

В целом *современная тенденция по замене огнестрельного оружия на нейтрализующее оружие несмертельного действия носит положительный характер, поскольку способствует дифференцированному применению силы и направлена на минимизацию ущерба*. В то же время широкая доступность нейтрализующего оружия также ведет к снижению порога допустимого применения силы и влечет за собой значительный риск его чрезмерного использования в ситуациях, *когда желаемая цель может разумным образом быть достигнута при помощи менее принудительных, опасных и вредных средств*. Кроме того, оружие несмертельного действия предназначено не только для нейтрализации и предотвращения смертельного исхода, но и для причинения боли и страданий в целях сдерживания или иного принуждения лиц, подвергаемых его воздействию (пункт 54 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие,

бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. А/72/178).

Еще одна проблема, связанная с использованием ряда видов оружия, несмертельного действия заключается в его неизбирательности, что затрудняет работу по ограничению применения силы и последующего ущерба, как того требуют принципы необходимости и пропорциональности, особенно в присутствии невинных свидетелей (например, в ситуации поддержания общественного порядка или захвата заложников). *Сам по себе неизбирательный характер оружия не означает, что оно является жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство, однако оно может стать таковым в случае, если влечет за собой тяжелые последствия* (как, например, некоторые снаряды кинетического действия) *или используется в определенных обстоятельствах* (например, распыление слезоточивого газа в закрытом помещении) (пункт 55 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. А/72/178).

[П]рименение некоторых видов оружия несмертельного действия может приводить к предсказуемым долгосрочным и иным последствиям, которые следует учитывать при оценке пропорциональности их применения, включая, например,

высокий риск получения серьезной травмы головы в результате неконтролируемого падения вследствие использования электрошокового оружия

или унижение как результат использования красящих или зловонных веществ (пункт 56 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. А/72/178).

[Л]юбое не связанное с лишением свободы применение в остальном разрешенного оружия, как смертельного, так и несмертельного действия, для преднамеренного и целенаправленного причинения боли и страданий беспомощному человеку всегда является разновидностью жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания при отягчающих обстоятельствах или даже пыткой (пункт 57 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких,

бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. А/72/178).

4.2.11.1 вопросы поддержания правопорядка при проведении публичных мероприятий²⁷

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

В то время как обязанностью Договаривающихся Государств является принятие разумных и надлежащих мер в отношении правомерных демонстраций, чтобы обеспечить их мирное проведение и безопасность всех граждан, они не могут гарантировать их в абсолютной степени, и у них есть широкая свобода усмотрения при выборе используемых средств. В данной области они вступают в обязательство по статье 11 Конвенции, касающееся принимаемых мер, а не достигаемых результатов... Однако важно, чтобы были приняты превентивные меры безопасности, такие как, например, присутствие службы скорой помощи на месте проведения демонстраций: это гарантирует беспрепятственное проведение любых мероприятий, встреч или собраний, как политических, так и культурных, и иных... Кроме того, когда демонстранты не участвуют в актах насилия, важно, чтобы государственные органы демонстрировали определенный градус терпимости по отношению к мирным собраниям, иначе свобода собрания, гарантированная статьей 11 Конвенции, будет лишена всякой сущности... С другой стороны, вмешательство в право, гарантированное данным положением, в принципе оправдано, когда оно требуется для предотвращения беспорядков или преступлений и для защиты прав и свободы третьих лиц, если демонстранты участвуют в актах насилия (пункт 251 постановления Большой Палаты от 24 марта 2011 года по делу «Джулиани и Гаджио (Giuliani and Gaggio) против Италии»).

²⁷ Для сведения. В 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации подготовлено Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу собраний. Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27692/.

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

*При применении принципов законности, необходимости, пропорциональности и предосторожности в отношении конкретной ситуации, заключающейся в поддержании общественного порядка во время проведения собраний, любое решение о принудительном разгоне мирного собрания или протестующих лиц должно приниматься с учетом права на свободу собраний и выражения мнений. В частности, в статье 21 Международного пакта о гражданских и политических правах говорится, что «в отношении осуществления... права [на свободу мирных собраний] не могут применяться какие-либо ограничения, кроме тех, которые применяются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности или общественной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), охраны здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц». Помимо этого, следует особо подчеркнуть, что человек не может быть лишен защиты от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания ни при каких обстоятельствах, включая ситуации ожесточенных беспорядков и незаконных протестов (пункт 15 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Применение силы, не связанное с лишением свободы, и запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания. Размещен 20 июля 2017 года. A/72/178).*

Государства, правоохранительные органы и их сотрудники обязаны по международному праву уважать и защищать, без дискриминации, права всех участников собраний, наблюдателей и случайных прохожих (пункт 50 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66)²⁸.

Специальные средства и тактические приемы должны использоваться для дифференцированных ответных действий и деэскалации напряженности. Соответственно, предоставление сотрудникам правоохранительных органов огнестрельного оружия без альтернативного использования средств несмертельного действия, помимо дубинки, является неприемлемым (пункт 53 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах

²⁸ Режим доступа: URL: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/31/66.

на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66).

Если необходимо, то должностные лица по поддержанию правопорядка должны быть надлежащим образом защищены снаряжением, таким как щиты, каски и жилеты, защищающие от ножевых и/или пулевых ранений, с целью уменьшения необходимости любого применения специальных средств сотрудниками правоохранительных органов. *Не должно разрешаться использование оборудования и специальных средств, которые не позволяют достичь законной правоохранительной цели или применение которых сопряжено с необоснованными рисками, особенно в условиях проведения собрания* (пункт 54 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66).

Сотрудникам правоохранительных органов следует применять силу в исключительных случаях, и управление собраниями должно обычно происходить без применения силы. Любое применение силы должно отвечать принципам необходимости и соразмерности. Требование в отношении необходимости ограничивает вид и степень силы до необходимого минимума в данных обстоятельствах (наименее вредные из имеющихся средств), т.е. является фактической оценкой причины и следствия. Любое применение силы должно быть направлено против лиц, прибегающих к насилию, или использоваться для того, чтобы избежать неминуемой угрозы (пункт 57 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66).

Огнестрельное оружие никогда не должно использоваться просто для разгона собрания; ведение неизбежного огня по толпе всегда незаконно... Преднамеренное применение смертоносной силы является законным только в тех случаях, когда оно абсолютно неизбежно для защиты жизни другого человека от неминуемой угрозы; это иногда называют принципом защиты жизни (пункт 60 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях,

казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66).

Разгон собрания несет в себе риск нарушения прав на свободу выражения мнений и на мирные собрания, а также права на личную неприкосновенность. Разгон собрания также рискует привести к эскалации напряженности между участниками и сотрудниками правоохранительных органов. По этим причинам к нему *необходимо прибегать только в том случае, когда оно абсолютно неизбежно*. Например, возможность разгона может рассматриваться, когда насилие является серьезным и широко распространенным и представляет собой неминуемую угрозу для личной безопасности или имущества и когда правоохранительные органы приняли все разумные меры для содействия проведению собрания и защиты его участников от вреда. Прежде чем санкционировать разгон, правоохранительные органы должны попытаться идентифицировать и изолировать буйных участников от основной массы лиц, участвующих в собрании, и провести различие между буйными индивидами, присутствующими на собрании, и другими лицами. Благодаря этим мерам, собрание может быть продолжено (пункт 61 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66).

Международное право позволяет разгонять мирные собрания только в редких случаях. Например, мирное собрание, подстрекающее к дискриминации, вражде или насилию в нарушение статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах, может потребовать разгона, если менее дискриминационные средства управления ситуацией, предусматривающие меньшее вмешательство, не привели к ожидаемым результатам. Таким же образом, если с мелким неудобством, доставляемым другим гражданам, или с временным нарушением движения транспортных средств или пешеходов можно смириться, то *в случаях, когда участники собрания мешают доступу к основным услугам, например блокируют вход в больницу, предназначенный для экстренной медицинской помощи, или когда помехи для дорожного движения или предприятий являются серьезными и продолжительными, например в случае блокирования автомагистрали в течение нескольких дней*, – разгон может оказаться оправданным. *Неуведомление властей о проведении собрания не является основанием для его разгона* (пункт 62 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального

докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66).

Только государственные органы или высокопоставленные должностные лица, обладающие достаточной и точной информацией о ситуации на местах, должны быть уполномочены отдавать приказ о разгоне собрания. *Если разгон собрания представляется необходимым, собрание и его участники должны быть четко и внятно информированы об этом и им следует также дать разумное время на то, чтобы они могли добровольно разойтись.* Дальнейшее вмешательство полиции возможно только в том случае, если участники не расходятся (пункт 63 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66).

Как правило, военные не должны использоваться для обеспечения порядка при проведении собраний. В исключительных случаях, когда это становится необходимым, военные должны подчиняться гражданским властям. *Военные должны быть также полностью подготовлены в вопросах, касающихся норм и принципов международного права в области прав человека, политики, руководящих принципов и этики правоприменительной деятельности, принять и соблюдать их, и им необходимо также предоставить другую необходимую подготовку и снаряжение.* Для выполнения этих требований государство должно заблаговременно принять соответствующие меры, чтобы быть готовым к возникновению такой ситуации (пункт 66 Совместного доклада Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциации и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о надлежащем управлении собраниями. Размещен 4 февраля 2016 года. A/HRC/31/66).

4.2.11.2 вопросы применения летальной силы в сфере миграционных отношений

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Произвольные убийства, совершаемые в процессе ограничения миграции, являются чаще всего следствием чрезмерного применения силы сотрудниками пограничных служб и другими должностными лицами,

ответственными за миграционный контроль. *Меры, принимаемые в ответ на попытки мигрантов избежать иммиграционного контроля, должны носить одновременно обоснованный и соразмерный характер* (пункт 25 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

Международные стандарты в области применения силы в ходе правоохранительной деятельности, включая иммиграционный контроль, отличаются высоким уровнем проработанности. Необходимо обеспечить принятие «внутреннего законодательства», регулирующего применение силы и закреплённого в письменной форме... В рекомендациях должно четко говориться о том, что *единственной законной целью применения смертоносной силы может быть «спасение жизни или защита человека от получения серьезных телесных повреждений»*..., что такая сила должна носить необходимый и соразмерный характер и что ее дискриминационное применение не допускается (пункт 26 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

[Н]езаконное пересечение границы, попытки спрятаться от сотрудников пограничной службы, бросание камнями или уклонение от задержания или перехвата не являются действиями, которые требуют применения смертоносной силы (пункт 29 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

Применение силы несмертельного действия сотрудниками пограничных служб.... может приводить к произвольному лишению жизни (пункт 32 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

Меры по «выталкиванию» не только являются нарушением принципа «невыводения», но также равносильны чрезмерному применению силы в тех случаях, когда государственные должностные лица умышленно и осознанно создают для беженцев и мигрантов условия, в которых те могут погибнуть

или подвергаются смертельной опасности вследствие особенностей внешней среды.... Подобные методы вызывают серьезные опасения: они могут подвергать жизни людей умышленному риску, если учесть, что сотрудники служб безопасности знают о том, что при возвращении в подобных обстоятельствах эти люди могут оказаться жертвами жестоких преступлений, однако игнорируют этот факт. Это может быть равносильным опосредованному чрезмерному применению силы: оно не является соразмерным и необходимым (пункт 33 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

Государства могут эффективно контролировать свои границы в соответствии с принципами соблюдения прав и с учетом потребности в защите. Это включает в себя соблюдение принципа невыдворения и международных норм в области применения смертоносной силы, а также права на жизнь и права на физическую неприкосновенность при осуществлении пограничного контроля (пункт 35 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

4.2.11.3 применение летальной силы со стороны частных лиц (в том числе частных охранных предприятий)

Практика Комитета ООН по правам человека

В тех случаях, когда государство-участник уполномочивает или санкционирует применение силы с потенциально летальными последствиями со стороны частных лиц или структур, государство-участник обязано обеспечить, чтобы такое применение силы действительно соответствовало положениям статьи 6 [Пакта], и государство-участник по-прежнему несет ответственность за любое их несоблюдение. Среди прочего, государство-участник должно строго ограничить полномочия частных субъектов и обеспечить принятие строгих и эффективных мер мониторинга и контроля, а также надлежащую подготовку, с тем чтобы, в частности, гарантировать, что предоставленные полномочия не будут неправомерно использоваться и не приведут к произвольному лишению жизни. Например, государство-участник должно принять надлежащие меры для обеспечения того, чтобы лица, которые были причастны или в данный момент причастны к серьезным нарушениям или злоупотреблениям в области прав человека, не допускались в частные

охранные структуры, уполномоченные или обладающие санкцией на применение силы. Оно должно также обеспечивать предоставление эффективного средства правовой защиты жертвам произвольного лишения жизни со стороны частных лиц или структур, обладающих полномочиями или санкцией государства-участника (пункт 15 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Все государства, которые играют определенную роль в привлечении частных охранных предприятий, будь то их родное государство, принимающее государство или государство, привлекающее их на договорной основе, должны способствовать регулированию деятельности частных охранных предприятий в целях обеспечения их подотчетности. Проекты статей, принятые Комиссией международного права в 2001 году по вопросу об ответственности государств за международно-противоправные деяния, содержат определения четырех случаев, в которых действия частного субъекта могут непосредственно присваиваться государству:

а) когда частное лицо или образование «уполномочено правом этого государства осуществлять элементы государственной власти... [при условии, что] в данном случае это лицо или образование действует в этом качестве» (статья 5);

б) когда частное лицо или образование «действует по указаниям либо под руководством или контролем этого государства при осуществлении такого поведения» (статья 8);

с) когда частное лицо или образование «фактически осуществляет элементы государственной власти в отсутствие или при несостоятельности официальных властей и в условиях, требующих осуществления таких элементов власти» (статья 9); и

д) когда «государство... признает и принимает данное поведение в качестве собственного» (статья 11) (пункт 63 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

Когда государство поручает частным охранным предприятиям выполнять защитные функции или осуществлять другие формы правоохранительной деятельности и наделяет их полномочиями применять силу в таком качестве, государство несет основную ответственность за соблюдение ими положений международного права прав человека (пункт 64

Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

В отношении регулирования деятельности частных охранных предприятий государство обязано обеспечить нормативные рамки, которые гарантируют, чтобы частные охранные предприятия действовали в духе уважения прав человека и несли ответственность в случаях, когда они действуют иным образом, независимо от того, является ли стороной договора само государство. Учитывая обстановку, в которой часто работают частные охранные предприятия, важно подчеркнуть, что эти обязанности могут также применяться экстерриториально (пункт 65 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

[Ч]астные охранные предприятия должны действовать законным образом и обязаны проявлять сдержанность и осторожность в соответствии с применимыми международными руководящими принципами локального использования силы, включая Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка²⁹ и Кодекс поведения должностных лиц правоохранительных органов³⁰, а также в соответствии с формирующейся наилучшей практикой, разработанной коммерческими предприятиями, гражданским обществом и правительствами (пункт 67 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

Как и в случае с государственными агентами, *сотрудники частных охранных предприятий до и во время любого применения силы должны принимать все разумные меры предосторожности для защиты жизни и предотвращения чрезмерного насилия, включая предоставление соответствующего оборудования и профессиональной подготовки,*

²⁹ Режим доступа:

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/firearms.shtml.

³⁰ Режим доступа:

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml.

запрещение недопустимого оружия и тщательное планирование отдельных операций. Государства должны установить четкие законодательные рамки в отношении применения силы сотрудниками правоохранительных органов или другими лицами, соответствующие международным стандартам, включая принципы необходимости и соразмерности. *Умышленное использование смертоносной силы сотрудниками правоохранительных органов или другими лицами должно быть запрещено, если только это не является абсолютно неизбежным для защиты жизни, что делает такое использование соразмерным, и если только все другие средства являются недостаточными для достижения этой цели, что делает его необходимым.* После любого применения силы должен в той или иной форме проводиться обзор, при этом в случае летального исхода или нанесения серьезных увечий должно проводиться полное расследование, а в случаях, когда результаты расследования говорят о том, что применение силы могло быть незаконным, должны существовать механизмы ответственности, включая средства возмещения ущерба пострадавшим (пункт 75 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

Ответственность за разработку плана надлежащего оперативного реагирования на возникающие ситуации применима к частным охранным предприятиям точно так же, как и к государственным правоохранительным органам. Однако в случае частных охранных предприятий существует дополнительная потенциальная мера предосторожности, а именно – обращение к государственным правоохранительным органам. В обстоятельствах, когда частные охранные предприятия сами прибегают к применению силы, не воспользовавшись возможностью вызвать государственную полицию, полное соблюдение ими требований предосторожности может быть поставлено под сомнение. *В тех случаях, когда помощь со стороны властей была явно возможна, частные охранные предприятия уже не могут оправдывать применение силы, ссылаясь на необходимость самообороны или защиты других лиц* (пункт 84 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

Защита прав и безопасности населения в целом остается обязанностью и функцией государства. Частным охранным предприятиям при любой возможности следует вызывать надлежащим образом подготовленные и оснащенные специализированные подразделения правоохранительных

органов (пункт 85 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

Несмотря на неопределенность вокруг вопроса о том, какую именно роль в международном правовом контексте играют корпорации, существует консенсус в отношении того, что *корпорации должны, по крайней мере, соблюдать права человека*. Растет поддержка той точки зрения, что негосударственные коллективные субъекты имеют юридическое обязательство соблюдать *jus cogens* и не участвовать в деятельности, составляющей международные преступления (пункт 109 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

[Ч]астные охранные предприятия должны соответствовать некоему модифицированному стандарту строгой ответственности, как, например, в случае компании, работающей с опасными отходами. Законы не должны предоставлять компании право снимать с себя вину за преднамеренное применение чрезмерной силы или ее применение вследствие грубой неосторожности, повлекшее за собой смерть или серьезные увечья, даже в том случае, если компания может доказать, что соответствующий сотрудник прошел надлежащий отбор и подготовку. Без такого стандарта ответственности жертвы зачастую не могут получить достаточную компенсацию, поскольку отдельные виновные лица могут и не располагать необходимыми средствами (пункт 115 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

Поскольку многие частные охранные предприятия действуют на глобальном уровне, экстерриториальное применение норм права прав человека, и в частности, международные правозащитные договоры, является ключевым фактором для регулирования этого сектора. В контексте предпринимательской деятельности экстерриториальная юрисдикция так или иначе начала применяться в ряде областей политики, включая борьбу с коррупцией, регулирование рынка ценных бумаг, защиту окружающей среды и более общие сферы гражданской и уголовной юрисдикции, но не в контексте предпринимательской деятельности и прав человека Однако

международное право не препятствует государствам в распространении их юрисдикции на эти сферы при наличии признанных оснований. Кроме того, в Руководящих принципах предпринимательской деятельности в аспекте прав человека подчеркивается, что у государств происхождения имеются веские политические основания для того, чтобы четко заявить, что они ожидают от предприятий соблюдения прав человека за рубежом, особенно если само государство участвует в этих предприятиях или оказывает им поддержку (пункт 116 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях о праве на жизнь и применении силы частными охранными предприятиями в контексте правоохранительной деятельности. Размещен 6 мая 2016 года. A/HRC/32/39).

4.2.12 позитивные обязательства государства, связанные с недопустимостью высылки (выдворения, депортации, выдачи) лица в государство, где имеется реальная угроза нарушения по отношению к такому лицу права на жизнь³¹

Практика Комитета ООН по правам человека

Обязанность уважать и обеспечивать право на жизнь требует от государств-участников воздерживаться от высылки, выдачи или передачи иным образом лиц в страны, если имеются серьезные основания полагать, что там им угрожает реальная опасность нарушения их права на жизнь, закрепленного в статье 6 Пакта. Такая опасность должна носить личный характер и не может вытекать лишь из общих условий в принимающем государстве, за исключением самых крайних случаев. Например,... статье 6 будет противоречить выдача лица из страны, отменившей смертную казнь, в страну, где ему или ей может угрожать смертная казнь. Аналогичным образом со статьей 6 было бы несовместимо высылать лицо в страну, в которой против него или нее была издана фатва местными религиозными властями, не удостоверившись в том, что эта фатва вряд ли будет иметь

³¹ **Для сведения.** В 2017 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения.* Режим доступа:

URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/26323/;

и *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по делам (вопросам), связанным с защитой права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания).* Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/26325/.

отрицательные последствия; или высылать человека в страну с чрезвычайно высоким уровнем насилия, в которой он никогда не жил, не имел социальных или семейных контактов и языком которой он не владеет. В делах, связанных с утверждениями об опасности для жизни перемещаемого лица, исходящей от властей принимающего государства, положение перемещаемого лица и условия в принимающих государствах необходимо оценивать, среди прочего, исходя из намерения властей принимающего государства, модели поведения, продемонстрированного ими в аналогичных случаях, и наличия надежных и эффективных гарантий относительно их намерений. Когда предполагаемая опасность для жизни исходит от негосударственных субъектов или иностранных государств, действующих на территории принимающего государства, могут запрашиваться надежные и эффективные гарантии защиты со стороны властей принимающего государства и могут быть изучены варианты обеспечения безопасности внутри страны. В случае доверия к гарантиям относительно обращения с лицом после его перемещения, полученным от принимающего государства, перемещающему государству следует создать надлежащие механизмы для обеспечения соблюдения предоставленных гарантий с момента начала перемещения (пункт 30 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Обязательство не выдавать, не высылать и не передавать иным образом согласно статье 6 Пакта может быть более широким, чем сфера охвата принципа невысылки, предусмотренного международным беженским правом, поскольку оно может также требовать защиты иностранцев, не имеющих права на статус беженца. Вместе с тем государства-участники должны предоставить всем просителям убежища, утверждающим о существовании реального риска нарушения их права на жизнь в государстве происхождения, доступ к процедурам определения статуса беженца или иного индивидуального или группового статуса, который мог бы защитить их от принудительного возвращения (пункт 31 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Право на жизнь... защищается Конвенцией 1951 года о статусе беженцев и Протоколом к ней 1967 года, в которых на государства возлагается обязанность соблюдать основной принцип невыдворения, который в настоящее время получил статус обычно-правовой нормы: «Договаривающиеся Государства не будут никоим образом высылать или

возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений» (пункт 19 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

Право многих беженцев и мигрантов на жизнь может нарушаться как с материально-правовой, так и с процессуально-правовой точки зрения (пункт 21 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

4.2.13 позитивные обязательства государства по обеспечению и защите права на достойную смерть (в том числе в сфере миграционных отношений); вопросы погребения

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Государства должны принимать все возможные разумные меры для установления личности погибших и выявления причины смерти. Это обязательство является частью процессуальной обязанности по расследованию случаев смерти. Помимо этого, ряд обязательств может также вытекать из других прав, включая:

- запрет на жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания; право на равенство;
- право на семейную жизнь;
- запрет на дискриминацию; право на собственность;
- право на правосубъектность.

Кроме того, вопрос обращения с покойными и понятие *права на достойную смерть* давно и подробно отражены в международном гуманитарном праве (пункт 66 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

Семьи имеют право на участие в расследовании, возмещение ущерба и получение правдивой информации об обстоятельствах смерти и местонахождении останков своих близких... У них также есть конкретные

права, связанные с человеческими останками. В случае установления личности покойного государство должно незамедлительно уведомить его родственников и доступным образом направить им извещение о его кончине. После завершения следственных процедур, останки и имущество покойного должны быть возвращены членам его семьи (пункт 72 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. А/72/335).

Значительное число беженцев и мигрантов ежегодно гибнут или пропадают без вести в пограничных зонах как на суше, так и в море. В большинстве случаев имена пропавших без вести и погибших людей остаются неизвестными; их семьи не были найдены; и в случаях, когда тела этих людей удастся обнаружить, их очень часто хоронят в безымянных могилах. Это одна из величайших и неопишуемых трагедий, связанных с этой катастрофой, которая должна побудить государства взять на себя ответственность за обеспечение *права на достойную смерть и учет погибших* (пункт 65 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. А/72/335).

Гуманитарные бедствия привели к созданию международных норм, регулирующих *вопросы поиска пропавших без вести лиц и учета покойных*, и эти нормы используются теми, кто работает в сфере реагирования на проблемы миграции. Стандартные процедуры должны включать методы, необходимые для:

- а) вывоза тел;
- б) сохранения ДНК, отпечатков пальцев и личных вещей покойных;
- с) идентификации человеческих останков, в том числе с помощью криминалистической экспертизы;
- д) уведомления родных;
- е) хранения данных в тех случаях, когда может потребоваться дальнейшая идентификация; и

ф) достойного погребения. Подобные процедуры могут помочь в сборе информации, необходимой для получения лучшего представления о гуманитарной ситуации (пункт 67 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. А/72/335).

4.3 Позитивные обязательства государства (процессуальные (процедурные) аспекты) по защите права на жизнь

4.3.1 Общие положения

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении Российской Федерации*

[В] тех случаях, когда смерть наступает в условиях, потенциально предполагающих ответственность государства, статья 2 [Конвенции] налагает на государство *обязанность всеми имеющимися в его распоряжении способами, в судебном или ином порядке, отреагировать на данную ситуацию* таким образом, чтобы законодательные и административные нормы, установленные в целях защиты права на жизнь, были должным образом соблюдены, а любые нарушения права на жизнь – пресечены и наказаны (пункт 51 постановления от 18 июня 2015 года по делу «Фанзиева против Российской Федерации»).

4.3.2 наличие в правовой системе государства средств правовой защиты (в том числе судебных) как процессуальный аспект позитивных обязательств государства по защите права на жизнь

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении Российской Федерации*

Суд... напоминает, что *обязанность государства защищать право на жизнь должна также включать процессуальное позитивное обязательство создать эффективную независимую судебную систему, способную оперативно устанавливать факты, привлекать виновных к ответственности и обеспечивать жертве надлежащее возмещение ущерба* (пункт 29 постановления от 28 января 2020 года по делу «Зинатуллин против Российской Федерации»).

В случае наличия различных средств правовой защиты (как гражданских, так и уголовных) Суд должен рассмотреть вопрос о том, *могут ли такие средства правовой защиты, которые предусмотрены в законодательстве и применяются на практике, в своей совокупности представлять собой правовые средства, способные установить факты, привлечь виновных к ответственности и обеспечить жертве надлежащее возмещение*. Выбор средств для выполнения позитивных обязательств по статье 2 [Конвенции] в принципе находится в пределах свободы усмотрения Договаривающихся государств. Существуют различные способы обеспечения предусмотренных Конвенцией прав, и даже если государство не применило

одну конкретную меру, предусмотренную внутригосударственным правом, оно все же могло выполнить свое позитивное обязательство другими способами (пункт 36 постановления от 28 января 2020 года по делу *«Зинатуллин против Российской Федерации»*).

В делах, касающихся непреднамеренного причинения смерти и/или создания риска для жизни требование о наличии эффективной правовой системы выполняется, если правовая система обеспечивает жертвам (или их ближайшим родственникам) средство правовой защиты в гражданских судах, либо в отдельности, либо в сочетании со средством правовой защиты в уголовных судах, позволяющим установить ответственность и получить соответствующее гражданское возмещение. В случаях причастности представителей государства или лиц определенных профессий, также могут быть предусмотрены дисциплинарные меры (пункт 32 постановления от 28 января 2020 года по делу *«Зинатуллин против Российской Федерации»*).

Если в ходе первоначального расследования было установлено, что опасная для жизни травма не была причинена умышленно, гражданское средство правовой защиты обычно считается достаточным, за исключением случаев, в которых существуют исключительные обстоятельства, требующие проведения эффективного уголовного расследования (пункт 35 постановления от 28 января 2020 года по делу *«Зинатуллин против Российской Федерации»*).

По делам, касающимся дорожно-транспортных происшествий, повлекших причинение смерти или тяжкого вреда здоровью лиц, Суд применяет аналогичный подход³² и возлагает на государства обязательство по обеспечению «эффективной судебной системы» (пункт 101 постановления от 12 июля 2016 года по делу *«Котельников против Российской Федерации»*).

[В] особых случаях медицинской небрежности, когда нарушение права на жизнь и личную неприкосновенность не было допущено намеренно, исполнение позитивного обязательства государства по созданию эффективной судебной системы не требует обязательного применения уголовно-правовых

³² «При отсутствии умысла в нарушении права на жизнь государство может исполнить возложенное на него обязательство путем предоставления потерпевшим гражданско-правовых средств правовой защиты как в качестве самостоятельного механизма правовой защиты, так и в совокупности с уголовно-правовыми средствами правовой защиты при условии, что такие механизмы позволяют установить лиц, ответственных за совершение такого деяния, и получить соответствующую гражданско-правовую компенсацию, например, добиться вынесения постановления о возмещении ущерба» (пункт 100 постановления от 12 июля 2016 года по делу *«Котельников против Российской Федерации»*).

средств защиты в каждом случае. В некоторых случаях такое обязательство может быть исполнено путем предоставления жертве гражданско-правового средства защиты, обеспечивающего установление ответственности медицинских работников, а также получение соразмерной гражданско-правовой компенсации, такой, как *inter alia*, принятие решения о возмещении ущерба ... По поводу последнего Европейский Суд подчеркивает, что в делах о нарушении статей 2 или 3 Конвенции в принципе возмещения материального ущерба и морального вреда, причиненного таким нарушением, должно быть доступно как составная часть присуждаемой компенсации (пункт 100 постановления от 16 декабря 2010 года по делу «Ромохов против Российской Федерации»).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Европейский Суд.... рассматривал жалобы родственников пациентов, добровольно проходивших лечение в психиатрических учреждениях. В деле «Рейнольдс против Соединенного Королевства»... сын заявительницы проходил лечение на добровольной основе и впоследствии совершил самоубийство, выпрыгнув из окна на шестом этаже из-за психического расстройства. Сделав вывод о нарушении статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции, Европейский Суд отметил, что у заявительницы не было возможности обратиться в суд в порядке гражданского производства с целью привлечения к ответственности и определения компенсации в отношении ее страданий и смерти ее сына...., и счел, что заявительница представила доказуемую жалобу на нарушение статьи 2 Конвенции при обстоятельствах смерти сына после его добровольной госпитализации в психиатрическое учреждение (пункт 114 постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 31 января 2019 года по делу «Фернандеш де Оливейра (Fernandes de Oliveira) против Португалии»).

4.3.3 проведение эффективного расследования случаев нарушения права на жизнь как процессуальный аспект позитивных обязательств государства по защите указанного права

4.3.3.1 общие положения

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Хотя Конвенция как таковая не гарантирует право возбуждать уголовные дела в отношении третьих сторон, даже в случаях непреднамеренного вмешательства в право на жизнь или физическую

неприкосновенность, могут существовать исключительные обстоятельства, когда для выполнения процессуального обязательства по статье 2 Конвенции необходимо проведение эффективного расследования уголовного дела. Такие обстоятельства могут существовать, например, когда жизнь была утрачена или подверглась риску из-за поведения государственного органа, которое выходит за рамки ошибочной оценки или небрежности. Если установлено, что халатность со стороны государственных должностных лиц или органов выходит за пределы ошибочной оценки или небрежности в том, что соответствующие органы власти, полностью осознавая вероятные последствия и игнорируя предоставленные им полномочия, не приняли мер, которые были необходимыми и достаточными для предотвращения рисков, присущих опасной деятельности, тот факт, что лица, ответственные за создание угрозы жизни, не были обвинены в совершении преступления или привлечены к ответственности, может представлять собой нарушение статьи 2, независимо от каких-либо других видов средств правовой защиты, которыми лица могут воспользоваться по собственной инициативе (пункт 33 постановления от 28 января 2020 года по делу «Зинатуллин против Российской Федерации»).

Суд... повторяет, что в делах, «связанных с опасными для жизни телесными повреждениями, например, в случае смерти», как только властям становится известно об инциденте, они «должны приложить все разумные усилия с учетом практических реалий следственной работы, включая наличие необходимых ресурсов», чтобы обеспечить – на месте происшествия были своевременно собраны соответствующие доказательства [с целью] обеспечить их наличие и устранить или свести к минимуму любой риск упущений, которые впоследствии могут отразиться на возможности установления ответственности и привлечения лица к ответственности. Эта ответственность лежит на властях и не может быть переложена на жертву или ее ближайших родственников. Обязательство по сбору доказательств существует по крайней мере до тех пор, пока не будет выяснен характер ответственности, и власти не убедятся в том, что никаких оснований для проведения или продолжения уголовного расследования не имеется (пункт 34 постановления от 28 января 2020 года по делу «Зинатуллин против Российской Федерации»).

Ни при каких обстоятельствах национальные суды не должны допускать, чтобы угрожающие жизни преступления оставались безнаказанными. Это очень важно для поддержания общественного доверия и обеспечения верховенства права, а также для предотвращения любого проявления толерантности или сговора в случае незаконных деяний. Следовательно, задача Суда заключается в рассмотрении вопроса о том, можно ли считать, что в своих выводах суды проявили тщательность, которая предусмотрена статьей 2 Конвенции, с тем чтобы не подрывался

сдерживающий эффект судебной системы и значение той роли, которую она должна играть в области предотвращения нарушений права на жизнь (пункт 37 постановления от 28 января 2020 года по делу «Зинатуллин против Российской Федерации»).

[О]тветственность за проведение первоначального расследования (направленного на сбор доказательств и устранение или сведение к минимуму любого риска упущений, которые впоследствии могут отрицательно сказаться на возможности привлечения виновных лиц к ответственности) лежит на властях и не может быть оставлена на усмотрение жертвы или ее ближайших родственников (пункт 42 постановления от 28 января 2020 года по делу «Зинатуллин против Российской Федерации»).

[К]огда смерть случается при подозрительных обстоятельствах, оставляя место для обвинений в преднамеренном лишении жизни, государство должно обеспечить эффективное официальное расследование (пункт 56 постановления от 15 мая 2018 года по делу «Агаркова против Российской Федерации»).

В... обязательстве [проведения эффективного расследования] главным является не результат, а используемые средства. Власти должны были предпринять все разумные шаги, для обеспечения сохранности доказательств, имеющих отношение к происшествию. Любой недостаток расследования, который снижает вероятность установления причины смерти или ответственных лиц, влечет за собой риск несоблюдения данного принципа (пункт 57 постановления от 15 мая 2018 года по делу «Агаркова против Российской Федерации»).

Суд уже устанавливал, что, получив заслуживающие доверия утверждения о жестоком обращении или лишении жизни представителями государства, власти обязаны возбудить уголовное дело и провести расследование; одна лишь «доследственная проверка» не может отвечать требованиям эффективного расследования, предусмотренным статьями 2 или 3 Конвенции. Было определено – эта предварительная стадия имеет слишком ограниченный объем и не может привести к установлению личности и наказанию лиц, виновных в предполагаемом жестоком обращении или лишении жизни, поскольку возбуждение уголовного дела и проведение уголовного расследования являются необходимыми условиями для предъявления предполагаемым преступникам обвинений, которые впоследствии могут быть рассмотрены судом. Суд уже устанавливал, что отказ в возбуждении уголовного дела по заслуживающим доверия утверждениям о жестоком обращении или лишении жизни свидетельствует о невыполнении государством своих процессуальных обязательств по статьям 2

и 3 Конвенции (пункт 37 постановления от 28 мая 2019 года по делу «*Удут против Российской Федерации*»).

[В]ыводы по статьям 2 и 3 Конвенции [в аспекте проведения эффективного расследования] должны в равной степени применяться к ситуациям, когда имеются заслуживающие доверия утверждения о жестоком обращении или лишении жизни *со стороны физических лиц* (пункт 38 постановления от 28 мая 2019 года по делу «*Удут против Российской Федерации*»).

Европейский Суд отмечает, что он устанавливал – *когда человек умирает под стражей в условиях, потенциально создающих ответственность государства, даже если очевидной причиной смерти является медицинское состояние, статья 2 Конвенции влечет за собой обязанность со стороны государства обеспечить адекватное расследование* (пункт 42 постановления от 14 февраля 2017 года по делу «*Караханян (Karakhanyan) против Российской Федерации*»)³³.

Практика Комитета ООН по правам человека

Важным элементом защиты права на жизнь в соответствии с Пактом является обязательство государств-участников, когда им известно или должно быть известно о возможных случаях незаконного лишения жизни, проводить расследования и в случае необходимости преследовать в судебном порядке виновных в таких инцидентах, включая утверждения о чрезмерном применении силы со смертельным исходом... Обязанность проводить расследование возникает также в обстоятельствах, когда серьезная опасность лишения жизни обусловлена применением потенциально смертоносной силы, даже при отсутствии фактической реализации этой опасности.... Это обязательство имплицитно вытекает из обязательства по защите и подкрепляется общей обязанностью обеспечивать права, признаваемые в Пакте, которая сформулирована в пункте 1 статьи 2 [Пакта] в его совместном прочтении с пунктом 1 статьи 6, и обязанностью предоставлять эффективные средства правовой защиты жертвам нарушений прав человека и их родственникам, которая сформулирована в пункте 3 статьи 2 Пакта в его совместном прочтении с пунктом 1 статьи 6. Расследование и судебное преследование в связи со случаями предположительно незаконного лишения жизни должны проводиться согласно соответствующим международным стандартам, включая Миннесотский протокол по расследованию

³³ Российская хроника Европейского Суда по правам человека № 4(48)/2018. Пер. с англ. яз. Д. Николаева.

предположительно незаконного лишения жизни³⁴, и должны быть направлены на обеспечение привлечения виновных к суду, на усиление ответственности и предотвращение безнаказанности, на недопущение отказа в правосудии и на извлечение необходимых уроков для пересмотра практики и политики во избежание повторения нарушений. В ходе расследований следует, среди прочего, исследовать вопрос о юридической ответственности вышестоящих должностных лиц в связи с нарушениями права на жизнь, совершенными их подчиненными. *Учитывая важность права на жизнь, государства-участники должны, как правило, воздерживаться от борьбы с нарушениями статьи 6 с помощью лишь административных или дисциплинарных мер, и обычно необходимо уголовное расследование*, которое в случае сбора достаточных инкриминирующих доказательств должно приводить к возбуждению уголовного преследования. *Имунитеты и амнистии для лиц, виновных в совершении преднамеренных убийств, и их начальников и сопоставимые меры, приводящие к безнаказанности de jure и de facto, как правило, несовместимы с обязанностью уважать и обеспечивать право на жизнь и предоставлять жертвам эффективные средства правовой защиты* (пункт 27 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Расследования утверждений о нарушениях статьи 6 [Пакта] должны всегда быть независимыми, беспристрастными, оперативными, тщательными, эффективными, заслуживающими доверия и транспарентными... В случае установления факта нарушения необходимо предоставлять *полное возмещение*, включая, с учетом конкретных обстоятельств дела, адекватные меры по компенсации, реабилитации и сатисфакции.

Государства-участники также несут обязательство принимать меры для предотвращения повторения аналогичных нарушений в будущем.

В соответствующих случаях расследование должно включать вскрытие тела жертвы, если возможно, в присутствии представителя родственников жертвы.

Государствам-участникам необходимо, среди прочего, принимать соответствующие меры для установления истины в отношении событий, приведших к лишению жизни, включая причины и правовые основания для преследования определенных лиц и процедуры, применявшиеся государственными силами до, во время и после момента лишения жизни, а также идентифицировать тела погибших людей.

³⁴ Режим доступа:

URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/MinnesotaProtocol_RU.pdf.

Государствам-участникам следует также подробно уведомлять о ходе расследования ближайших родственников жертв, предоставлять ближайшим родственникам возможность представления новых доказательств, наделять ближайших родственников правосубъектностью в расследовании и обнародовать информацию о следственных действиях и выводы, заключения и рекомендации, вытекающие из расследования, при условии совершенно необходимых редакционных правок, оправданных насущной потребностью защиты общественных интересов или тайны личной жизни и других юридических прав непосредственно затрагиваемых лиц.

Государства-участники должны также принимать необходимые меры для защиты свидетелей, жертв и их родственников, а также лиц, проводящих расследование, от угроз, нападения и любых актов мести. Расследование нарушений права на жизнь в соответствующих случаях должно возбуждаться *ex officio*.

Государствам следует поддерживать международные механизмы расследования и судебного преследования в связи с возможными нарушениями статьи 6 и добросовестно сотрудничать с ними (пункт 28 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Факт смерти, наступившей во время содержания под стражей при неестественных обстоятельствах, порождает презумпцию произвольного лишения жизни государственными властями, которая может быть опровергнута только на основе надлежащего расследования, в ходе которого устанавливается соблюдение государством своих обязательств по статье 6 [Пакта]. На государства-участники возлагается также особая обязанность расследовать утверждения о нарушениях статьи 6 в случаях применения или предположительного применения сотрудниками государственных органов огнестрельного оружия или иной потенциально смертоносной силы вне непосредственного контекста вооруженного конфликта, например, когда по демонстрантам ведется огонь боевыми патронами или когда обнаруживаются трупы гражданских лиц в обстоятельствах, указывающих на предполагаемые нарушения права на жизнь, совершенные государственными властями (пункт 29 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

[П]рава человека, нарушение которых не влечет за собой последствия, выражающиеся в привлечении к ответственности, остаются всего лишь

благими намерениями. Более того, неотвратимость привлечения к ответственности – важный компонент сдерживания (пункт 20 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Размещен 2 сентября 2016 года. A/71/372).

Обязанность по предотвращению, наказанию и предоставлению доступа к средствам правовой защиты налагает на государство столь же твердые обязательства. Например, по делу *«Опуз против Турции»* Европейский [С]уд по правам человека пришел к выводу о том, что, когда власти осведомлены о случаях вопиющего бытового насилия, на них ложится ответственность по принятию эффективных мер по их собственной инициативе. Решение суда означает, что для выполнения обязательств по Конвенции европейские правительства должны активно возбуждать уголовные дела в случаях предполагаемого бытового насилия, и такие разбирательства должны быть эффективными. Это может потребовать особой бдительности в ситуациях, когда жертвы опасаются сообщать о насилии, что очень вероятно в контексте бытового насилия (пункт 76 Доклада Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства и произвольных казнях о гендерном подходе к произвольным убийствам. Размещен 6 июня 2017 года. A/HRC/35/23).³⁵

Последствия отказа от расследований носят чрезвычайно серьезный характер и включают в себя нарушение права на жизнь, безнаказанность, отсутствие возмещения ущерба и лишение семей возможности примирения. Отказ от расследований также приводит к сохранению политики и методов, которые могут расцениваться как чрезмерное применение силы, и отсутствию должной осмотрительности при решении проблемы предсказуемой и предотвратимой гибели людей. Отказ от расследования подобных неправомерных человеческих потерь также ограничивает возможности для анализа закономерных схем миграции и контрабанды (пункт 51 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

³⁵ **Для сведения.** В 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации по состоянию на 1 ноября 2020 года было актуализировано *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию*, в котором, в том числе, были изложены отдельные вопросы по защите лиц от бытового насилия.

Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/29487/.

Обязанность проведения расследования является ключевым фактором защиты права на жизнь. Некоторые международные стандарты приобретают особое значение, когда их действие распространяется на случаи неправомерного лишения жизни в условиях массового перемещения людей, в том числе в ситуациях незаконного ввоза или торговли людьми:

а) эта обязанность возрастает в тех случаях, когда речь идет об участии государственных субъектов, включая обвинения в чрезмерном применении силы;

б) она распространяется на случаи гибели от рук негосударственных субъектов, включая неустановленных лиц, а также на неправомерное лишение жизни в результате небезопасных условий, самопричинения вреда или рискованной деятельности;

с) расследования включают в себя меры по установлению личности погибших или пропавших без вести и определению причин смерти;

д) получение официальной жалобы или обнаружение тела не являются обязательными условиями для проведения расследования;

е) члены семей погибших беженцев и мигрантов имеют право принимать участие в расследовании случаев неправомерного лишения жизни и получать информацию о причинах смерти: они также имеют право на равноправный и эффективный доступ к правосудию; надлежащее, эффективное и своевременное возмещение ущерба (пункт 52 Доклада Специального докладчика Совета по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. Неправомерное лишение жизни беженцев и мигрантов. Размещен 15 августа 2017 года. A/72/335).

Согласно утвердившемуся принципу международного права лица не освобождаются от уголовной ответственности за серьезные нарушения прав человека, даже если они получили соответствующие указания от вышестоящего начальника. Следовательно, чтобы избежать индивидуальной уголовной ответственности, сотрудники специальных служб должны отказываться от выполнения любых приказов, которые, по их мнению, являются явно незаконными (пункт 24 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 17 мая 2010 года. A/HRC/14/46).

Региональные суды подчеркивают, что *судебное преследование или выдача лиц, подозреваемых в совершении противозаконных убийств, является одной из превентивных мер.* Таким образом, обязанность государства проводить следственные действия и судебное преследование лиц, подозреваемых в террористической деятельности, напрямую связана с его обязательством пресекать безнаказанность и предотвращать будущие акты

терроризма. В отношении лиц, подозреваемых по объективным и разумным основаниям в причастности к подготовке или совершению актов терроризма или подстрекательству или побуждению к таким актам, должно проводиться надлежащее расследование, и в соответствующих случаях они должны быть подвергнуты судебному преследованию, осуждению и наказанию в соответствии с обычными нормами уголовно-процессуального права либо выданы другому государству, чтобы там предстать перед судом (пункт 34 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 4 июня 2012 года. A/HRC/20/14).

Специальный докладчик согласен с мнением Европейского [С]уда по правам человека о том, что *обязательство государства защищать жизнь людей требует эффективного официального расследования любых случаев убийства или причинения тяжких телесных повреждений в результате применения силы со смертельным или потенциально смертельным исходом в связи с терроризмом, независимо от того, стали они результатом противоправного акта терроризма, совершенного негосударственным субъектом, или действий или бездействия представителей государства при осуществлении контртеррористической стратегии* (пункт 35 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 4 июня 2012 года. A/HRC/20/14).

4.3.3.2 независимость и беспристрастность расследования

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Согласно последовательной прецедентной практике Европейского Суда расследование предположительно незаконного убийства... представителями государства *является эффективным при условии независимости лиц, ответственных за проведение расследования, от лиц, участвовавших в происшествии* (пункт 84 постановления от 17 декабря 2009 года по делу «Голубева против Российской Федерации»).

В прошлом Суд устанавливал нарушение процессуального обязательства по проведению расследования по доказуемым жалобам, поданным на основании статьи 2 [Конвенции], в случаях, *когда не было предпринято соответствующих мер для снижения риска сговора между сотрудниками, потенциально причастными к преступлению, и это бездействие стало существенным недостатком в адекватности расследования...* Риск препятствования отправлению правосудия посредством сговора особо

ощутим в ситуации иерархической субординации и общей воинской службы, как, например, в случае с сотрудниками милиции (пункт 108 постановления от 3 июля 2014 года по делу «*Антаев против Российской Федерации*»).

*[Р]асследование утрачивает независимость, когда его производят сотрудники того же подразделения или органа, к которому принадлежат подозреваемые в применении жестокого обращения... Независимость расследования предполагает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но и практическую независимость (пункт 110 постановления от 26 января 2006 года по делу «*Михеев против Российской Федерации*»).*

*[Н]еспособность следственного органа собрать достоверные доказательства и его благосклонность по отношению к сотрудникам милиции должны рассматриваться как особенно серьезный недостаток расследования (пункт 92 постановления от 18 марта 2010 года по делу «*Максимов против Российской Федерации*»).*

*[Н]ачальный этап расследования, а именно, момент сбора и сохранения доказательств, чрезвычайно важен и что отсутствие независимости на этом этапе способно отрицательно сказаться на результате расследования. Последующее участие в деле независимого органа не способно устранить последствия этого нарушения, с которым велось расследование с самого начала (пункт 73 постановления от 28 августа 2018 года по делу «*Ходюкевич против Российской Федерации*»).*

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Европейский Суд не критиковал то или иное решение об уголовном преследовании, вытекавшее из расследования, которое в других отношениях не противоречило статье 2 Конвенции. В действительности Европейский Суд выражал уважение к Договаривающимся Государствам как в организации своей системы органов прокуратуры, так и в принятии решения об уголовном преследовании отдельных лиц. В... [п]остановлении по делу «*Колевы против Болгарии*» Европейский Суд ясно дал понять, что: «...не следует забывать о том, что системы уголовного преследования различных государств и разные процессуальные нормы уголовного расследования могут быть совместимы с положениями Конвенции, которая не предусматривает какую-либо конкретную модель в этом отношении... Независимость и беспристрастность в делах, в которых фигурируют высокопоставленные прокуроры или другие официальные лица, могут быть обеспечены различными способами, такими как расследование и уголовное преследование, осуществляемые отдельным

органом, стоящим вне системы уголовного преследования, специальные гарантии самостоятельного принятия решений, несмотря на иерархическую зависимость, общественный контроль, судебный контроль или иные меры. В задачу Европейского Суда не входит определение, какая система наилучшим образом отвечает требованиям Конвенции. *Однако избранная государством – членом Совета Европы система должна гарантировать в законодательстве и на практике независимость и объективность расследования при всех обстоятельствах и независимо от того, что в деле замешана публичная фигура»* (пункт 259 постановления Большой Палаты от 30 марта 2016 года по делу «*Армани да Сильва (Armani Da Silva) против Соединенного Королевства*») ³⁶.

Практика Комитета ООН по правам человека

Комитет напоминает, что в случае подачи жалобы на неправомерное обращение, противоречащее статье 7 [Международного пакта о гражданских и политических правах], государство должно провести оперативное и *беспристрастное* расследование (пункт 8.4 Соображений Комитета по правам человека от 21 марта 2017 года по делу «*Жаслан Сулейменов против Казахстана*»).

Практика Комитета ООН против пыток

[С]амо по себе расследование не является достаточным для того, чтобы продемонстрировать соблюдение государством-участником обязательств согласно статье 12 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания], если может быть показано, что оно не было *беспристрастным* (пункт 8 Решения Комитета против пыток от 14 мая 2014 года по делу «*Расим Байрамов против Казахстана*»).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Отсутствие независимых следственных органов, не связанных с органом власти, проводящим расследование или судебное преследование по делу (собственно говоря, «полиция сама себя расследует»), лишает потерпевших возможности добиваться справедливости и является одним из основных препятствий в деле борьбы с безнаказанностью (пункт 56 Промежуточного доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и

³⁶ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 3/2017. Под ред. Ю. Ю. Берестнева, пер. с англ. яз. ООО «Развитие правовых систем».

других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 10 августа 2010 года. A/65/273).

С тем чтобы соответствовать требованиям международного права,... орган по расследованию должен быть подлинно независимым от должностных лиц, причастных к нарушениям... Лица, потенциально причастные к нарушениям, не должны выполнять никаких надзорных функций, прямых или косвенных, в отношении лиц, ведущих расследование. При любых обстоятельствах расследователи обязаны выполнять порученное им дело с подлинной беспристрастностью и не должны исходить из заранее заданных посылок, касающихся расследуемого ими дела или личности тех, кто несет ответственность за те или иные жертвы. Они должны быть очевидно свободны от неподобающего давления. Расследователи обязаны объективно оценивать имеющиеся доказательства и делать беспристрастные выводы. Власти «во всех случаях обязаны предпринять серьезную попытку выяснить обстоятельства происшедшего и не должны прекращать расследование, опираясь на поспешные или слабо аргументированные выводы, или использовать их для обоснования своих решений». Обязанность, касающаяся проведения эффективного расследования, предполагает обязанность обращаться за взаимной правовой помощью к другим государствам, включая те, которые предположительно причастны к нарушениям, с использованием направляемых по дипломатическим или судебным каналам запросов, результаты которых также подлежат обнародованию (пункт 30 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 17 апреля 2013 года. A/HRC/22/52).

4.3.3.3 оперативность расследования

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[Д]ля того чтобы расследование предполагаемого жестокого обращения со стороны представителей государства было эффективным, *оно должно быть безотлагательным и надлежащим* (пункт 89 постановления от 15 мая 2008 года по делу «Дедовский и другие против Российской Федерации»).

Быстрый ответ органов власти, если речь идет о следствии по жалобам на ненадлежащее обращение, можно в целом считать основным элементом сохранения доверия общества в отношении принципа законности и избежания любого проявления пособничества или толерантности в отношении

незаконных действий (пункт 102 постановления от 16 апреля 2015 года по делу «*Заев против Российской Федерации*»).

Суд напоминает, что *эффективность расследования подразумевает своевременность и разумную быстроту исполнения*. Даже если в конкретной ситуации могут существовать препятствия или трудности, мешающие продвижению расследования, *незамедлительное реагирование властей является очень важным для поддержания общественного доверия в соблюдении им верховенства права* и во избежание впечатления сговора или терпимости к незаконным действиям... Кроме того, с течением времени надежды на то, что может быть проведено какое-либо эффективное расследование значительно уменьшаются (пункт 64 постановления от 15 мая 2018 года по делу «*Азаркова против Российской Федерации*»).

В делах, затрагивавших статьи 2 и 3 Конвенции, в которых ставилась под вопрос эффективность официального расследования, Европейский Суд часто оценивал, *реагировали ли власти на жалобы безотлагательно...* Придавалось значение возбуждению уголовного дела, задержкам получения показаний... и продолжительности первоначального расследования (пункт 100 постановления от 17 декабря 2009 года по делу «*Денис Васильев против Российской Федерации*»).

С точки зрения Европейского Суда, запоздалое начало проверки и задержки при ее проведении, за которые несут ответственность национальные органы, повлекли потерю времени, которая не могла не оказать отрицательного влияния на ход расследования (пункт 137 постановления от 29 июля 2009 года по делу «*Копылов против Российской Федерации*»).

Практика Комитет ООН против пыток

Если в соответствии с внутренним законодательством требуется провести уголовное разбирательство до обращения за гражданской компенсацией, то непроведение уголовного разбирательства или его неоправданная задержка представляют собой невыполнение государством-участником своих обязательств по Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания]. Комитет подчеркивает, что дисциплинарные или административные средства защиты без доступа к эффективному судебному пересмотру не могут считаться адекватной формой возмещения в контексте статьи 14 (пункт 8.9 Решения Комитета против пыток от 14 мая 2014 года по делу «*Расим Байрамов против Казахстана*»).

4.3.3.4 способность обеспечить сохранность доказательств во время расследования

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Суд напоминает – власти должны были принять все разумные, доступные им меры для сбора доказательств по рассматриваемым фактам, и что любое бездействие в ходе расследования, препятствующее установлению обстоятельств дела или исполнению обязательств, может привести к заключению, что расследование не соответствует требуемому стандарту эффективности (пункт 94 постановления от 26 мая 2020 года по делу «*Рамазанова и Алексеева против Российской Федерации*»).

[В] интересах эффективности расследования гибели человека государства-участники обязаны принимать необходимые и доступные меры для обеспечения соответствующих доказательств, *находятся ли они на территории расследующего государства или нет* (пункт 241 постановления от 7 января 2010 года по делу «*Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации*»).

[С]ледствием обязательства расследующего государства по обеспечению доказательств, находящихся в других странах, является обязанность государства, в котором находятся доказательства, по оказанию любого содействия, относящегося к его компетенции, и предоставлению средств, запрошенных в обращении о правовой помощи (пункт 245 постановления от 7 января 2010 года по делу «*Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации*»).

Практика Комитет ООН против пыток

Комитет напоминает, что в статье 13 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] предусмотрено..., что каждое государство-участник должно принимать меры по обеспечению защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями (пункт 13.5 Решения Комитета против пыток от 15 ноября 2016 года по делу «*Эннаам Асфари против Марокко*»).

4.3.3.5 **тщательность (адекватность) расследования**

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[В]ыводы следствия должны быть основаны на тщательном, объективном и независимом анализе всех соответствующих элементов. Непроведение очевидных дознавательных действий снижает шансы следствия на установление обстоятельств дела и ответственных лиц... Тем не менее характер и степень изучения, которые соответствуют минимальному уровню эффективного расследования зависят от обстоятельств каждого отдельного дела. Их оценка должна проводиться на основании соответствующих фактов и с учетом практических аспектов расследования (пункт 106 постановления от 3 июля 2014 года по делу «Антаев против Российской Федерации»).

*[О]бязательство по расследованию это «не обязательство получить результат, а обязательство принять меры»: не каждое расследование обязательно должно быть успешным или приводить к результатам, подтверждающим изложение фактов заявителем; тем не менее оно должно быть в принципе способно привести к установлению обстоятельств дела и, если обвинения подтверждаются, к установлению и наказанию виновных. Таким образом, расследование должно быть тщательным. Это означает, что власти всегда должны предпринимать серьезные попытки установить, что на самом деле произошло, и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования по делу или в качестве основания для вынесения каких-либо решений. Они должны принимать все разумные и доступные им меры для получения доказательств по делу, включая, *inter alia*, показания очевидцев и заключения судебной экспертизы. Любой недостаток расследования, снижающий вероятность установления причины травм или личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта (пункт 52 постановления от 9 января 2014 года по делу «Горелов против Российской Федерации»).*

Органы власти должны принимать имеющиеся в их распоряжении разумные меры, чтобы получить доказательства, относящиеся к рассматриваемым фактам, в том числе – подробное заявление предполагаемого потерпевшего о жалобах, показания очевидцев, результаты экспертиз и, при необходимости, соответствующие дополнительные медицинские справки, чтобы составить полный и точный отчет о ранах и получить объективный анализ медицинских заключений, в частности, о причинах ран. Любой недочет в следствии снижает его способность установить причину ран, или ответственность может не отвечать этому

требованию (пункт 101 постановления от 16 апреля 2015 года по делу «Заев против Российской Федерации»).

[Н]ебрежность со стороны следственных или надзорных органов в случае реальных и непосредственных угроз в адрес установленного лица со стороны представителей государства, таких как сотрудников милиции, которые действуют явно за рамками своих законных обязанностей, может составлять нарушение позитивного обязательства охранять жизнь (пункт 104 постановления от 18 сентября 2014 года по делу «Макаева против Российской Федерации»).

[Р]езультаты судебно-медицинской экспертизы имеют решающее значение для определения обстоятельств смерти, а существенные недостатки такой экспертизы могут повлечь за собой серьезные нарушения, способные негативным образом отразиться на эффективности внутреннего расследования... [С]уть любой экспертизы заключается в ее проведении в максимально короткие сроки после смерти лица. Любые задержки в проведении экспертизы создают риск утраты искомых следов и ставят под угрозу успех проводимого расследования в части установления обстоятельств гибели лица (пункт 105 постановления от 22 декабря 2015 года по делу «Лыкова против Российской Федерации»).

[Н]адлежащие медицинские обследования являются существенной гарантией от жестокого обращения. Судебный медик должен обладать формальной и фактической независимостью, иметь специальную подготовку и достаточно широкие функции (пункт 86 постановления от 24 июля 2008 года по делу «Владимир Романов против Российской Федерации»).

Независимо от своих выводов относительно статьи 14 [Конвенции], Суд также отмечает, что утверждения заявителей об этнических мотивах нападения были проигнорированы следствием. Он напоминает о требовании о том, чтобы расследование по факту нападения с этническим подтекстом проводилось тщательно и беспристрастно, учитывая необходимость непрерывно поддерживать общественное порицание расизма для обеспечения уверенности меньшинств в способности властей защитить их от угрозы расистского насилия (пункт 110 постановления от 3 июля 2014 года по делу «Антаев против Российской Федерации»).

[П]ри расследовании таких жестоких случаев, как жестокое обращение, государство имеет дополнительное обязательство принять все разумные меры для разоблачения расистских мотивов и установить, сыграли ли этническая ненависть и предубеждения роль в данной ситуации. Следует признать, что доказать расистские мотивы зачастую трудно на практике. Обязательство

государства расследовать возможный расистский подтекст акта насилия это обязательство приложить все старания, и при этом оно не является абсолютным. Органы власти должны принять все разумные меры для сбора доказательств и использовать все имеющиеся средства для установления истины и вынесения полностью обоснованных, беспристрастных и объективных решений, не упуская подозрительных фактов, которые могут указывать на насилие с расистскими мотивами (пункт 121 постановления от 3 июля 2014 года по делу «*Антаев против Российской Федерации*»).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

Для того чтобы быть «эффективным», как это выражение следует понимать в контексте статьи 2 Конвенции, *расследование в первую очередь должно быть адекватным....* Это означает, что оно должно быть способно привести к установлению фактов, определению того, было ли применение силы оправданным при обстоятельствах инцидента, и выявлению, а при необходимости, наказанию виновных лиц *[В] тех случаях, когда имело место применение силы представителями государства, расследование также должно быть эффективным* в том смысле, что оно должно привести к установлению того, было ли применение силы оправдано в обстоятельствах инцидента ... Любой дефект в расследовании, который подрывает его способность установить причину гибели человека или виновное лицо, рискует привести к нарушению требуемого стандарта (пункт 232 постановления Большой Палаты от 30 марта 2016 года по делу «*Армани да Сильва (Armani Da Silva) против Соединенного Королевства*»)»³⁷.

**4.3.3.6 наличие публичного (общественного) контроля за ходом
расследования со стороны общества, в том числе со стороны
потерпевших, их родственников**

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении Российской Федерации*

[О]бязательство защищать право на жизнь, согласно статье 2 Конвенции, предусмотренное в связи с общим обязательством государства с учетом статьи 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные в Конвенции», требует в порядке презумпции проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда

³⁷ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. № 3/2017. Под ред. Ю. Ю. Берестнева, пер. с англ. яз. ООО «Развитие правовых систем».

люди были убиты в результате применения силы, в частности со стороны [г]осударственных служащих... [Н]еобходимо обеспечить должный контроль со стороны общественности за ходом следствия и его результатами, для гарантии привлечения виновных к ответственности как теоретически, так и практически. В зависимости от уголовного дела контроль со стороны общественности может быть разным. Однако в любом случае ближайшие родственники потерпевшего должны быть осведомлены о ходе следствия настолько, насколько этого требует соблюдение их законных интересов (пункт 75 постановления от 12 февраля 2009 года по делу «Аюбов против Российской Федерации»).

Во всех делах ближайшие родственники потерпевшего должны участвовать в разбирательстве в объеме, необходимом для защиты его законных интересов (пункт 233 постановления от 7 января 2010 года по делу «Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации»).

Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что участие в расследовании лиц, пострадавших в результате предполагаемых преступлений, обеспечивает подотчетность власти перед обществом и общественный контроль их действий в период расследования. Право на участие в разбирательстве подразумевает, что процедура должна обеспечивать необходимую защиту их интересов (пункт 26 постановления от 17 октября 2017 года «Криволюцкая против Российской Федерации»).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

[Р]аскрытие или опубликование полицейских отчетов и следственных материалов может затрагивать деликатные вопросы с возможными негативными последствиями для частных лиц или других расследований и, следовательно, не может рассматриваться как автоматическое требование согласно статье 2 Конвенции. В связи с этим может быть предусмотрен необходимый доступ общественности или родственников потерпевшего в других стадиях процесса ... Кроме того, статья 2 Конвенции не возлагает на органы следствия обязанность удовлетворять каждое ходатайство о проведении конкретного следственного действия, поданное родственником потерпевшего в ходе расследования (пункт 236 постановления Большой Палаты от 30 марта 2016 года по делу «Армани да Сильва (Armani Da Silva) против Соединенного Королевства») ³⁸.

³⁸ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 3/2017. Под ред. Ю. Ю. Берестнева, пер. с англ. яз. ООО «Развитие правовых систем».

Практика Комитета ООН по правам человека

[П]о мнению Комитета, органы власти, осуществляющее расследование обстоятельств насильственных исчезновений, должны давать родственникам пропавших без вести в соответствующее время возможность сообщить следствию имеющиеся у них сведения, а также без промедления предоставлять им информацию о ходе расследования. Комитет также принимает к сведению муки и горе, испытываемые авторами в связи с сохраняющейся неясностью относительно обстоятельств исчезновения их близких (пункт 12.6 Соображений Комитета по правам человека от 17 июля 2014 года по делу *«Зилкия Селимович и др. против Боснии и Герцеговины»*).

[Комитет] подчеркивает, что *если материалы дела «недоступны близким родственникам жертвы», то само расследование по этому делу не может считаться эффективным*, т.е. «могущим привести к установлению личности и наказанию лиц, несущих ответственность за соответствующие события» (пункт 9.6 Соображений Комитета по правам человека от 19 июля 2017 года по делу *«Джурабой Бобоев против Таджикистана»*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Проводящие расследование органы обязаны:

- предоставить пострадавшим или (в случае их смерти) их родственникам *эффективный доступ к процессу расследования* в порядке уважения их права на получение информации и на участие;
- *предоставить все соответствующие доказательства и материалы пострадавшим, их родственникам и общественности* (с соблюдением лишь законных ограничений, связанных с национальной безопасностью, строго по постановлению независимого и беспристрастного судебного или квазисудебного органа)... (пункт 29 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 17 апреля 2013 года. A/HRC/22/52).

[Н]еобходимо обеспечить достаточную степень открытости расследования и его результатов для общественности с тем, чтобы добиться подотчетности перед общественностью как в теории, так и на практике. Это предполагает необходимость обнародования итогов расследования *с купюрами, которые могут быть санкционированы независимым судом или квазисудебным органом в тех случаях, когда это будет признано крайне необходимым по соображениям национальной безопасности* (пункт 31 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав

человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 17 апреля 2013 года. A/HRC/22/52).

Если жертвы или члены их семьи проживают не в том государстве, где ведется судебное разбирательство в отношении подозреваемых, *государство, осуществляющее судебное преследование, должно реально обеспечить им удаленное участие*. Обязательства такого рода могут быть возложены и на государство, в котором проживает жертва (пункт 41 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 4 июня 2012 года. A/HRC/20/14).

Специальный докладчик считает официальное признание жертв терроризма в уголовном судопроизводстве важным элементом гуманизации жертв, тем самым открыто усиливая гуманитарные последствия терроризма (пункт 39 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 4 июня 2012 года. A/HRC/20/14).

4.3.3.7 наказание лиц, виновных в совершении действий (бездействия), противоречащих статье 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (либо аналогичным положениям международного права); способность следствия установить, насколько оправданным являлось применение летальной силы

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении Российской Федерации*

Эффективность расследования проявляется.... в том, что оно должно быть способно установить обстоятельства инцидента и привести к выводу о том, было ли применение силы оправданным при данных обстоятельствах, *а также к установлению и наказанию виновных...* Любой недостаток расследования, подрывающий его способность установить обстоятельства дела или ответственное лицо, не отвечает требуемому стандарту эффективности (пункт 84 постановления от 17 декабря 2009 года по делу «Голубева против Российской Федерации»).

[Х]отя не существует безусловной обязанности завершения всех случаев уголовного преследования осуждением или конкретным приговором, *национальные суды не должны ни при каких обстоятельствах допускать, чтобы жестокое обращение оставалось безнаказанным*. Для поддержания общественного доверия особенно важно гарантировать приверженность букве закона и не допускать терпимости к противозаконным действиям или сговору

должностных лиц... хотя Европейский Суд уважительно относится к выбору национальными судами соответствующих санкций для государственных представителей, причастных к жестокому обращению, он должен осуществлять в определенной степени проверку и вмешиваться в случаях явного несоответствия тяжести деяния и назначенного наказания. В противном случае обязанность государства-ответчика провести эффективное расследование в значительной степени теряла бы смысл (пункт 140 постановления от 29 июля 2009 года по делу «Копылов против Российской Федерации»).

[О]правдание национальными судами полицейского, подозреваемого в жестоком обращении, не может освободить государство от ответственности в соответствии с Конвенцией (пункт 93 постановления от 15 мая 2008 года по делу «Дедовский и другие против Российской Федерации»).

«Проверка по заявлению о преступлении» сама по себе не может привести к наказанию ответственных за пытки, так как возбуждение уголовного дела и уголовное расследование являются предварительными условиями предъявления обвинений предполагаемым правонарушителям, которые затем могут быть рассмотрены судом (пункт 135 постановления от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против Российской Федерации»).

Хотя в статье 2 Конвенции отсутствует прямое указание на то, что все судебные процессы должны завершаться признанием вины или назначением наказания, *внутригосударственные суды ни при каких обстоятельствах не должны оставлять посягательства на жизнь человека безнаказанными..... Основными целями уголовного наказания является кара как способ восстановления справедливости для жертв, общее предупреждение для предотвращения новых нарушений и укрепление верховенства права.* Однако ни одна из этих целей не может быть достигнута без привлечения к ответственности предполагаемых нарушителей. Неисполнение органами власти обязанностей по преследованию наиболее вероятных нарушителей ставит под сомнение эффективность механизма уголовного права, направленного на предотвращение, пресечение и наказание противозаконных убийств. *Соблюдение процессуальных обязательств [г]осударства по статье 2 [Конвенции] требует от внутригосударственной правовой системы демонстрации ее способности и желания применять уголовное право к тем, кто незаконно отбирает жизни других людей* (пункт 34 постановления от 20 февраля 2018 года по делу «Бопхоева против Российской Федерации»).

[В] делах о *намеренном жестокое обращение* нарушение.... Конвенции не может быть устранено исключительно за счет компенсации потерпевшему. Если власти ограничат свою реакцию на случаи сознательного жестокого обращения со стороны государственных служащих одной лишь выплатой компенсации, ничего не предприняв для преследования и наказания лиц, несущих за него ответственность, в некоторых делах для представителей государства будет возможно нарушать права лиц, находящихся под их контролем, фактически безнаказанно, и общий правовой запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, несмотря на его фундаментальное значение, останется неэффективным на практике (пункт 78 постановления от 24 июля 2008 года по делу «*Владимир Романов против Российской Федерации*»).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

Европейский Суд [ранее] отличал, что «расследование должно быть способно привести к выявлению и наказанию виновных лиц» ... Однако в более поздней прецедентной практике это требование было уточнено с целью сформулировать требование, чтобы *расследование было «способно привести к установлению того, было ли применение силы оправдано при имевшихся обстоятельствах... и к выявлению и, при необходимости, к наказанию виновных лиц»*... Из этого следует – статья 2 Конвенции не подразумевает право подвергать третьих лиц уголовному преследованию или осуждению за преступление... Скорее, с учетом дела в целом задачей Европейского Суда является анализ того, до какой степени власти выполнили тщательное изучение дела, требуемое статьей 2 Конвенции (пункт 257 постановления Большой Палаты от 30 марта 2016 года по делу «*Армани да Сильва (Armani Da Silva) против Соединенного Королевства*»)³⁹.

Практика Комитета ООН по правам человека

Амнистии обычно не совместимы с обязанностью государств проводить расследование... деяний [связанных с жестоким обращением], гарантировать свободу от таких актов в пределах своей юрисдикции, и обеспечивать, чтобы они не повторялись в будущем (пункт 15 Замечания общего порядка № 20 (запрещение пыток, жестокого или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания). Принято Комитетом по правам человека на его 44-й сессии (1992 года).

³⁹ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 3/2017. Под ред. Ю. Ю. Берестнева, пер. с англ. яз. ООО «Развитие правовых систем».

4.4 Позитивные обязательства государства по расследованию факта смерти и иных серьезных травм, причиненных вследствие халатности

*Руководство Европейского Суда по правам человека «Право на жизнь»
(по состоянию на 31 декабря 2018 года)*

Европейский Суд пришел к выводу, что вопрос об ответственности государства в соответствии со статьей 2 Конвенции может возникать в случае, если внутригосударственная правовая система не в состоянии обеспечить привлечение виновных лиц к ответственности за *халатное отношение*, приведшее к возникновению угрозы для жизни или к гибели человека (пункт 178 Руководства).

[Е]сли право на жизнь или физическую неприкосновенность было нарушено непреднамеренно, позитивное обязательство по обеспечению «эффективной судебной системы» будет считаться исполненным, если такая правовая система предоставляет потерпевшим средство правовой защиты в гражданских судах по отдельности или в совокупности со средством защиты в уголовных разбирательствах, позволяя установить ответственность и получить надлежащую гражданскую компенсацию за ущерб. Он также признавал, что могут предусматриваться и соответствующие дисциплинарные меры (пункт 181 Руководства).

[Д]аже в контексте непреднамеренного нарушения права на жизнь могут возникать исключительные обстоятельства, когда для выполнения требования статьи 2 Конвенции требуется проведение эффективного уголовного расследования.... Суд признавал наличие таких исключительных обстоятельств в делах, где халатность, приведшая к нарушению права на жизнь, вышла, помимо прочего, за рамки обычной ошибки суждения или невнимательности. В качестве примера можно привести дела, рассмотренные в следующих контекстах:

- опасная производственная деятельность...;
- отказ в оказании медицинской помощи...;
- проведение военных операций...;
- транспортировка опасных товаров (пункт 184 Руководства).

Суд пришел к выводу: в делах, где с самого начала точно не установлено, что смерть лица произошла в результате несчастного случая или иного непреднамеренного действия, и когда предположение о незаконном убийстве может быть, по меньшей мере, доказано фактами, Конвенция требует проведения расследования, удовлетворяющего минимальный уровень эффективности, чтобы выяснить обстоятельства смерти. Тот факт, что расследование полностью подтверждает версию несчастного случая, не имеет

никакого отношения к данному вопросу, поскольку обязательство проведения расследования специально предназначено для того, чтобы отвергнуть или подтвердить то или иное предположение (пункт 185 Руководства).

В контексте медицинского обслуживания Суд отмечал, что требование независимости внутригосударственной системы при установлении причины смерти пациента, находящегося в медицинском учреждении, является безоговорочным. Это требует не только отсутствия иерархической или институциональной зависимости, но и чтобы все стороны, занимающиеся проведением оценки в ходе установления причины смерти пациента, были формально и фактически независимы от лиц, участвовавших в событиях..... Данное требование является особенно значимым при получении медицинских заключений от экспертов-свидетелей..., поскольку подобные заключения, вероятно, будут иметь важнейшее значение при оценке судом крайне сложных вопросов халатности со стороны медицинских работников и поэтому будут играть существенную роль в судебном процессе (пункт 186 Руководства).

В контексте халатности соответствующее судопроизводство должно быть завершено в разумные сроки (пункт 187 Руководства).

В частности, Европейский Суд заключил: в делах в соответствии со статьей 2 Конвенции, где речь идет о судебном разбирательстве, инициированном с целью выяснения обстоятельств смерти конкретного лица, длительность производства является показателем того, что разбирательство имело недостатки, составляющие нарушение позитивных обязательств государства-ответчика согласно Конвенции, за исключением случаев, когда государство предоставило крайне убедительные и правдоподобные доводы, обосновывающие такую длительность (пункт 188 Руководства).

В контексте обсуждения медицинского обслуживания Суд подчеркивал, что помимо заботы о соблюдении прав (согласно статье 2 Конвенции) в каждом отдельном случае более общие соображения также призывают к оперативному рассмотрению дел, касающихся врачебной халатности в больничных условиях. Знания о фактах и возможных ошибках, допускаемых в ходе медицинского обслуживания, являются существенными для того, чтобы соответствующие учреждения и медицинский персонал могли устранить потенциальные недостатки и предотвратить подобные ошибки. Следовательно, оперативное рассмотрение подобных дел является очень важным для обеспечения безопасности всех тех, кто пользуется медицинскими услугами (пункт 189 Руководства).

В отличие от дел, касавшихся применения летальной силы представителями государства, где компетентные органы должны по

собственной инициативе возбудить расследование, в делах о халатности со стороны медицинских работников, в которых смерть наступила непреднамеренно, процессуальные обязательства государства могут возникнуть в случае возбуждения дела родственниками скончавшегося лица (пункт 190 Руководства).

В этом контексте Суд также подчеркивал: данное процессуальное обязательство является не обязательством получения результата, а обязательством применения средств.... Таким образом, факт того, что внутригосударственное разбирательство закончилось с неблагоприятным результатом для соответствующего лица сам по себе не означает, что государство-ответчик не исполнило свое позитивное обязательство согласно статье 2 Конвенции (пункт 191 Руководства).

5. Соотношение права на жизнь с иными правами и свободами

Практика Комитета ООН по правам человека

Пытки и жестокое обращение, которые могут серьезно затрагивать физическое и психическое здоровье подвергшегося им лица,... могут породить риск лишения жизни (пункт 54 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Произвольное лишение жизни человека может причинить его или ее родственникам психические страдания, что может быть равнозначно нарушению их собственных прав в соответствии со статьей 7 Пакта. Кроме того, даже если лишение жизни не является произвольным, непредставление родственникам информации об обстоятельствах смерти человека может нарушить их права в соответствии со статьей 7, равно как и отсутствие их информирования о местонахождении тела... Родственники лиц, лишенных жизни государством, должны иметь возможность получить их останки, если они того пожелают (пункт 56 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Право на жизнь, гарантируемое статьей 6 Пакта, включая право на защиту жизни согласно пункту 1 статьи 6, может совпадать с правом на личную неприкосновенность, гарантируемым пунктом 1 статьи 9. Крайние формы произвольного задержания, которые сами по себе представляют угрозу для жизни, в частности насильственные исчезновения, нарушают право на личную свободу и личную безопасность и несовместимы с правом на жизнь... Несоблюдение процедурных гарантий, предусмотренных в пунктах 3 и 4

статьи 9, в частности в целях предотвращения исчезновений, также может привести к нарушению статьи 6 (пункт 57 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Особая связь существует между статьей 6 [Пакта] и статьей 20, которая запрещает всякую пропаганду войны и определенные формы пропаганды, представляющие собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. Невыполнение этих обязательств по статье 20 также может представлять собой непринятие необходимых мер для защиты права на жизнь в соответствии со статьей 6 (пункт 59 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Пункт 1 статьи 24 Пакта наделяет каждого ребенка правом на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства. Данная статья *требует принятия специальных мер, направленных на защиту жизни каждого ребенка*, в дополнение к общим мерам, предусмотренным статьей 6 для защиты жизни всех лиц. При принятии специальных мер защиты государства-участники должны руководствоваться наилучшими интересами ребенка и необходимостью обеспечения выживания, развития и благополучия всех детей (пункт 60 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Право на жизнь должно уважаться и обеспечиваться без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или любого другого статуса, включая касту, этническую принадлежность, принадлежность к коренной группе населения,... инвалидность, социально-экономическое положение, альбинизм и возраст. Меры правовой защиты права на жизнь должны в равной степени применяться ко всем лицам и предоставлять им эффективные гарантии против всех форм дискриминации, включая множественные и пересекающиеся формы дискриминации. Любое лишение жизни, основанное на формальной или фактической дискриминации, ipso facto носит произвольный характер (пункт 61 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).

Деградация окружающей среды, изменение климата и неустойчивое развитие представляют собой ряд наиболее насущных и серьезных угроз для

возможности нынешнего и будущих поколений пользоваться правом на жизнь. Таким образом, обязательства государств-участников по международному праву окружающей среды следует толковать в свете содержания статьи 6 Пакта, а обязательство государств-участников уважать и обеспечивать право на жизнь – также в свете их соответствующих обязательств по международному праву окружающей среды. Осуществление обязательства уважать и обеспечивать право на жизнь, и особенно достойную жизнь, зависит, в частности, от мер, принимаемых государствами-участниками для сохранения окружающей среды и ее защиты от ущерба, загрязнения и изменения климата в результате деятельности государственных и частных субъектов. Поэтому государствам-участникам следует обеспечивать устойчивое использование природных ресурсов, разработку и применение существенных экологических стандартов, проведение оценок воздействия на окружающую среду и консультации с соответствующими государствами по вопросам деятельности, которая может оказывать значительное воздействие на окружающую среду, представление уведомлений другим государствам о стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях и сотрудничество с ними, предоставление надлежащего доступа к информации об экологических угрозах и должный учет подхода, основанного на принципе предосторожности (пункт 62 Замечания общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь». Принято Комитетом по правам человека. Размещено 3 сентября 2019 года. CCPR/C/GC/36).